

ФЭННИ
ФЛЭГГ

Я ВСЕ ЕЩЕ
МЕЧТАЮ
О ТЕБЕ

ФЭННИ ФЛЭГГ

Я все еще мечтаю о тебе...

«Фантом Пресс»

2010

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Флэгг Ф.

Я все еще мечтаю о тебе... / Ф. Флэгг — «Фантом Пресс», 2010

ISBN 978-5-86471-990-9

Если где-то сохранились чистая радость и жизнеутверждающая искренность, то прежде всего — в книгах Фэнни Флэгг. В ее мир погружаешься сразу, и очень не хочется его покидать. Он светлый и теплый и сильно отличается от реальности за окном, и в нем всегда случаются чудеса. Истории часто печальны, порой и трагичны, но жизнь в них всегда побеждает смерть, а человеческое тепло и любовь помогают справиться с одиночеством и душевными неурядицами... Прекрасная Мэгги, бывшая Мисс Алабама, всегда и во всем была порядочна и чистоплотна. За свою жизнь она не совершила ни одного неблагоприятного поступка, даже не выругалась ни разу, с утра до вечера она без усталости творит добро, а на ее репутации нет и крошечного пятнышка. Вот только устала Мэгги от самой себя безмерно, а потому задумала покончить с этой волынкой — земным существованием. Но как, скажите, такой идеальной женщине не доставить при этом никому лишних хлопот? Однако Мэгги не только красавица, а еще и большая умница. И вот безупречный план разработан до мелочей, остается лишь осуществить его, и тут... Это книга о мечтах — потерянных и забытых, о новых и сбывшихся. Это роман о том, как даже в самой серой мгле обыденности однажды сверкнет яркий луч и вы увидите, что ваша жизнь прекрасна, а мир вокруг — сплошное волшебство. Ведь в людских душах должно оставаться место для красоты и мечты.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-990-9

© Флэгг Ф., 2010

© Фантом Пресс, 2010

Содержание

Пролог	7
Знаменательный день	8
Что-то интересное	12
Инцидент с мороженым	15
И снова размышления	17
Дама с замороженной рукой	19
Тем временем в Эйвон-Террас	21
Редкая красавица	24
Лиловая Вспышка	25
Чудовище	26
Бессонница в Маунтейн-Брук	28
Хейзел Уизенкнот начинает	30
Самое время	34
Детство в царстве грез	36
Новый день	39
Блестящий план	41
Волшебный город	44
День открытых дверей	45
Еще один неожиданный бонус	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ФЭННИ ФЛЭГГ
Я все еще мечтаю о тебе

Джонни Хартману-Роджерсу, моему другу и литературному агенту в течение вот уже 30 лет, с любовью и благодарностью

© Дина Крупская, перевод, 2011

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2025

Пролог

Сентябрь 1955 г.

Забавно – что человек помнит по прошествии лет, что застревает в памяти, а что нет. Всякий раз, возвращаясь мыслями в тот год, когда он работал в «Вестерн Юнион», он вспоминал ту девчущку.

Бирмингем тогда окружало множество мелких городков-соседей, каждый со своим названием и магазинами. В них имелось по две-три церкви, аптека, школа и детский сад, банк, масонская ложа, универсальный магазин «Джей-Си Пенни» и кинотеатр.

Его офис находился в городке Ист-Лэйк, и кинотеатр «Царство грез» стоял как раз через дорогу от «Вестерн Юнион», между парикмахерской и бакалейной лавкой. Он сидел за столом, смотрел в окно и вдруг обратил внимание на симпатичную темноволосую девочку в зеленом клетчатом платье. Она была самой высокой среди возвращавшихся из школы ребяташек. В этот час дети расходились по домам, в этом ничего необычного не было. Но девочка, миновав парикмахерскую, остановилась перед кинотеатром, махнула подружкам рукой и скрылась за большими стеклянными дверьми.

В будние дни кинотеатр работал с семи часов вечера, и его разбирало любопытство – зачем, что ей там делать одной в темном здании. Он даже подумал было пойти проверить, все ли в порядке, но через пару минут в окне второго этажа, рядом с неоновым знаком, зажегся свет. Заметив в комнате женский силуэт, он решил, что девочка, вероятнее всего, здесь просто живет.

Но с тех пор каждый день, если позволяла работа, он в этот час выглядывал в окно – убедиться, что девочка добралась до дому без помех, и вот однажды она оглянулась и смущенно помахала ему рукой, перед тем как войти в здание, и он махнул в ответ.

Месяца через три его отправили в Корею, а когда он вернулся в «Вестерн Юнион», кинотеатр оказался закрыт, и больше он ее не видел.

Теперь-то у него самого уже шесть внуков, но до сих пор красивая девчущка из кинотеатра «Царство грез» нет-нет да и вспомнится.

Однажды в жизни каждого человека и каждой нации наступает момент, когда нужно выбирать...

И выбирать неизменно приходится между светом и тьмой.
Джеймс Расселл Лоуэлл

Знаменательный день

Понедельник, 27 октября 2008 г.

Наступил день, о котором Мэгги думала, и не просто думала, а мучительно и неотвязно думала, последние пять лет.

Но когда он наступил, она повела себя на удивление спокойно, а не так, как воображала, и уж точно не так, как ведут себя люди в романах и фильмах. Ни тебе брызжущих эмоций, ни закадровой музыки. Обычный конец нормального рабочего дня, если, конечно, рабочий день в агентстве недвижимости вообще можно назвать нормальным.

Утром Мэгги пришла на работу, покорпела над объявлениями о домах, открытых для просмотра в воскресенье, договорилась, чтобы стиральную машину, сушилку и уродливую лампу-обезьяну включили в стоимость дома для потенциальных покупателей (хотя *кому* может приглянуться такая лампа, для нее загадка), позвонила в несколько мест – все как всегда, ничего выдающегося. Она уже давно ощущала, что это близко, но почему именно сегодня? Почему не месяц назад, не через неделю? Она проехала мимо розовой неоновой вывески цветочного магазина и вдруг поняла, что сегодня *тот самый* день. Ни звона колоколов, ни свистков – просто внезапное осознание. Мэгги подождала, пока загорится зеленый, свернула с Хайлэнд-авеню, остановилась перед черными коваными воротами, набрала код и заехала в громадный, мощный булыжником двор. Посторонний человек, впервые увидев эти высокие, мерцающие газовые фонари и заросшие плющом стены, наверняка подумал бы, что попал в причудливый глухой двор где-нибудь в Лондоне, а вовсе не в Маунтейн-Брук¹, от которого до центра Бирмингема пять минут езды. Но Маунтейн-Брук всегда больше напоминал Англию, чем юг Америки. Это ввергало в недоумение заезжих покупателей, но большинство чугунных, угольных или стальных баронов, основавших этот городок, были родом или из Англии, или из Шотландии. «Гребешок», любимый дом Мэгги, глядящий на город с вершины Красной горы, был построен шотландцем и являл собой точную копию его дома в Эдинбурге.

Мэгги припарковала голубой «мерседес», взяла сумку и ключи и поднялась по лестнице к своему дому. Когда она закрыла за собой дверь, – слава тебе господи! – громкое фырчание и гудки вечернего потока машин стихли до терпимого звукового фона. Построенное в двадцатых годах муниципальное здание из красного кирпича, в котором она проживала, в восьмидесятые годы превратилось в кооператив – тогда народ просто помешался на идее частной собственности. Ее хорошо обставленный двухэтажный дом располагался в элитном районе Эйвон-Террас, и в нем всегда царила идеальная чистота. Темный паркет натерт до блеска, ковры как новые, кухня и ванная комната без единого пятнышка. Еще бы. Она ведь главный агент по продаже недвижимости всего жилого комплекса, и ее дом демонстрируют потенциальным покупателям. Сегодня Мэгги не остановилась, как обычно, просмотреть почту, лежащую на серебряном подносе на маленьком столике в прихожей, а прошла сразу в кабинет рядом с гостиной и села за стол.

Это должно быть написано от руки. Письмо, напечатанное на компьютере, слишком безлико и говорит о дурном вкусе. Она выдвинула ящик изящного комода и достала небольшую, украшенную монограммой коробку для канцелярских принадлежностей, где лежало десять листов тонкой голубой бумаги и такие же конверты. Взяла несколько листов и один конверт и принялась перебирать дешевые ручки, что стояли в стакане из коричневой кожи с золотым тиснением. Пробуя одну за другой, пожалела, что не сохранила хорошую чернильную ручку, прослужившую много лет, и баночку бордовых чернил «Монблан». Все ее любимые черные фломастеры повысыхали, и пользоваться оставалось тем, что есть. До чего же странная штука

¹ Маунтейн-Брук – пригород Бирмингема, в переводе с английского – Горный Ручей. – *Здесь и далее примеч. перев.*

жизнь. Она и помыслить не могла, что все этим закончится: на почтовой бумаге десятилетней давности толстой ярко-красной шариковой ручкой с блестками и надписью «Крабовая хижина Эда: лучшие в городе пироги с крабами».

Господи, да она ни разу в жизни не заглядывала в «Крабовую хижину Эда». Ну ладно, что поделаешь. Она аккуратно поставила завтрашнее число в правом верхнем углу страницы и задумалась, что хочет сказать и как это лучше выразить. Надо бы сразу поймать верный тон – не слишком формальный, но и не слишком фамильярный. Деловой, но при том душевный. Обдумав моменты, на которых необходимо заострить внимание, она начала...

Тому, кого это может касаться.

Доброе утро, или день, или что там у вас за время суток. Если вы это читаете, значит, меня уже нет в живых. Причин для этого у меня много, и они разнообразны. В прошлом я всегда старалась быть человеком, которым моя страна может гордиться, но я чувствую, что сейчас мой уход не привлечет такого внимания, как привлек бы раньше.

Не хочу огорчать моих друзей и коллег, равно как и вызывать ненужный стресс, поэтому спешу уведомить, что все необходимые последние распоряжения я уже отдала, так что не стоит волноваться и разыскивать меня, и заранее прошу прощения за беспокойство, доставленное этим письмом. Но, прошу вас, будьте уверены, что хотя я

В сумке, лежащей на полу, заиграла мелодия «Я ищу клевер с четырьмя листочками». Мэгги не глядя сунула руку в сумку и достала телефон. Звонила Бренда с работы, вся переполошенная.

– Ты уже видела газеты?

– Нет. А что?

– Представляешь? В Бирмингем приезжают крутящиеся дервиши!

– Кто? – переспросила Мэгги, не желая показаться грубой, но вместе с тем стараясь не потерять мысль.

– Крутящиеся дервиши из Турции! Ну, эти, в высоченных шапках и длинных юбках, и быстро-быстро крутятся. В разделе «Искусство и досуг» есть фотография.

– Серьезно? Настоящие?

– Да, самые что ни на есть! И они дают одно – только одно – представление в театре «Алабама». Китайские, или тибетские, или какие-то там монахи с песнопениями не смогли приехать, и в последний момент вместо них прислали дервишей.

– Надо же, какая удача.

– И знаешь что еще? Я могу раздобыть нам два бесплатных билета у Сесила. Ты небось умираешь хочешь на них поглядеть?

– Когда они приезжают? – Мэгги изо всех сил старалась не упустить мысль.

– Второго ноября. Глянь в календарь, ты будешь свободна?

– Сейчас глянуть?

– Да, я подожду. Наверняка весь город будет гоняться за билетами.

Боже всемогущий. От Бренды так просто не отделаешься, и Мэгги со вздохом подтянула к себе календарь от агентства недвижимости «Красная гора» с фотографией всех сотрудников, открыла ноябрь и сказала:

– Ой, дорогая, это воскресенье, боюсь, ничего не получится. Жаль, я бы хотела на них посмотреть. Может, Робби позовешь?

– Робби?

– Да. Ей должно понравиться.

– Ты же знаешь, я свою сестрицу никуда не могу вытащить вечером, и уж тем паче на крутящихся дервишей. Ну брось, Мэгги! Когда еще тебе выпадет шанс увидеть настоящих крутящихся дервишей? В Турцию же ты не собираешься ехать в ближайшем будущем.

– Ну... ты права, конечно... но...

Бренда не дала ей закончить:

– Говори что хочешь, но мы идем. Утром первым делом позвоню Сесилу. Пока! – И бросила трубку, прежде чем Мэгги успела сказать «нет».

Мэгги тут же набрала номер Бренды, чтобы отказаться, но дала отбой. Как она объяснит? Наврать? Можно сказать, что ее не будет в городе. Ее таки действительно не будет в городе, но Бренда ведь пристанет с расспросами, куда это она намылилась, с кем и чего ради. Боже всемогущий. *Зачем* она взяла трубку? Приняв наконец решение, Мэгги хотела поскорей совершить задуманное. И так слишком долго она к этому шла.

Конечно, не сразу она утвердилась в этой мысли, но, заполняя страницу за страницей всеми «за» и «против» своей жизни, она убедилась, что выбора у нее нет. Разумеется, гораздо удобнее было бы расстегнуть молнию на черепе, вынуть мозг, сунуть его под воду и просто-напросто смыть в канализацию все сожаления, обиды и оскорбления, а затем начать все заново. Но это, увы, невозможно. Единственный выход – уйти сейчас, пока на это хватает умственных и физических сил. Слава богу, план у нее уже есть. Все основные приготовления она тоже сделала. Осталось последнее – заскочить утром в универсам «Уолмарт» и купить кое-какое оборудование.

Но теперь она ломала голову, как быть с Брендой. Перезвонить? Или оставить как есть? Бренда – не просто знакомая, она партнер, а уж сколько им вместе пришлось пережить! Особенно после смерти Хейзел. При других обстоятельствах она бы с радостью пошла с ней на этих дервишей, ведь Бренда столько для нее сделала. Да вот совсем недавно, например. Свалилась она с кошмарным гриппом, и Бренда каждый день заявлялась и готовила еду. И квохтала вокруг нее. О господи, меньше всего на свете ей хотелось подводить Бренду. Но раз уж она имела глупость поднять трубку, пусть это будет последней глупостью в ее жизни.

Мэгги вздохнула и снова посмотрела на календарь. Разумнее всего сделать это завтра, в крайнем случае послезавтра, но Бренда так радовалась, а ведь бедняжке несладко пришлось в последнее время. До второго ноября всего-то шесть дней, и, раз уж все готово, торопиться, в сущности, некуда. Главное ведь – *решишься*, а уж когда исполнить задуманное – не столь важно. Небольшая задержка, зато приведет в порядок дела и отрететирует, дабы прошло все без сучка без задоринки. Нужно, чтобы все получилось правильно с одного раза. Да и права Бренда: дервишей грех пропускать.

В одиннадцать лет она наткнулась на фотографию крутящихся дервишей в одном из папиных журналов «Нэйшнл джиографик»; в своих шапках-конусах и длинных развевающихся юбках они словно явились прямиком из «Арабских ночей». Увидеть их вживую накануне ухода – отличный прощальный подарок себе. Кроме того, так она поддержит искусство и сделает приятное Бренде. Мэгги набрала номер.

– Слушай, Бренда, будешь говорить с Сесилом, попроси его, если можно, достать места в середине и как можно ближе к сцене. Хорошо бы рассмотреть их одежды.

– Не беспокойся! Если Сесил узнает, что ты идешь, он уж расстарается. Но бинокль я все равно возьму, ага?

– Ага.

– Ой, я так счастлива! Мэгги, как думаешь, что они носят, когда не на сцене?

– Господи, дорогая, даже не представляю.

– Я тоже. Просто жду не дождусь второго ноября. А ты? Ужас как я рада, что мы идем!

Мэгги улыбнулась:

- А я рада, что ты рада.
- Завтра увидимся.
- Да, непременно, – сказала Мэгги.

Что-то интересное

Бренда была так счастлива из-за крутящихся дервишей, что аж приплясывала по кухне. Хоть что-то интересное замаячило впереди, а ведь она заслужила. Напрягов на работе хватало. Цены на недвижимость упали ниже плинтуса и, по расчетам специалистов, еще не достигли нижней отметки. Каждые выходные они показывали потенциальным покупателям дома, напоминая старые, замученных псов, а хорошие здания из элитных районов выхватывала у них из-под носа их главный конкурент, Бебс Бинггтон. Фамилия фальшивая, – предупреждала Бренда тех, кто не в курсе. Эта особа изменила свое имя из меркантильных побуждений, с ним слоган звучит более складно: «Звоните Бебс Бинггтон – скорей купите новый дом». Этот призыв вместе со своей фотографией Бебс понаклеила на всех магазинных тележках, досках объявлений и скамейках у автобусных остановок. Но в узких кругах Бебс называли не иначе как Бирмингемское Чудовище.

Все знали, как она безжалостна. Ни перед чем не остановится, чтобы перехватить клиента. Ходили слухи, что за двоих клиентов она даже вышла замуж – только бы после развода заполучить дома на продажу. Этель Клип, их менеджер, часто говорила, что если бы Хейзел Уизенкнот, всеми любимая основательница их компании, знала, насколько беспринципными стали нынешние агенты, она бы в гробу перевернулась. Хейзел построила репутацию агентства «Красная гора» на строгих законах, честности и этике. Но на современном рынке этика не помощник. За полгода их продажи не покрыли даже затраты на рекламу, не говоря уж о прибыли или выплате за аренду помещения. Как Мэгги удается оставаться такой спокойной, доброжелательной и собранной, было для Бренды загадкой. Но в Мэгги все загадка. Вокруг все друг другу глотки грызут и лаются, а от Мэгги ни одного дурного слова ни о ком не услышишь. Наверное, так жить легче – когда тебя ничего не трогает. А с чего ей беспокоиться-то? Высокая, стройная, красивая, с идеальными зубами и пышными волосами, которые можно просто собрать в хвост и выглядеть при этом на миллион долларов. К тому же ни одного живого родственника, который доставал бы ее день и ночь. У Бренды же куча братьев, сестер, племянниц и племянников, и все они клянчат деньги на то, на се, так что никогда ей не скопить на тот огромный телевизор с диагональю 50 дюймов, что она присмотрела в «Костко». Мэгги, такая всегда ухоженная, гладкая, вежливая, плывет себе по жизни, точно розовое облако, не понимая, насколько ей повезло, и объяснить ей это невозможно, пустая затея. Вот бы хоть немного быть на нее похожей!

Поговорив с Брендой, Мэгги открыла ящик стола, нашла бутылочку с корректором и переправила дату письма на 3 ноября. Потом принялась писать дальше, с того места, где остановилась.

...хотя я была в последнее время подавлена, знайте: я всегда гордилась тем, что родом из Алабамы, и бесконечно благодарна за оказанную мне честь и привилегию представлять мой штат в конкурсе «Мисс Америка».

*Искренне ваша,
Маргарет Энн Фортенбери*

Обычно она добавляла к подписи улыбающуюся рожицу, но подумала, что в этом письме рожица вряд ли уместна. Затем проверила, нет ли описок. Перечитав несколько раз, решила, что все сказано верно, информации достаточно, однако не слишком много. Жаль только, что письмо получилось отстраненным. Его нельзя адресовать Брендe или Этель с просьбой не открывать до такого-то числа, иначе не оберешься подозрений. И уж Бренда наверняка прочтет до срока. Сестра Бренды рассказала, что в прошлом году та открыла все свои рождественские

подарки еще до того, как Робби успела их упаковать. А если они узнают, то тут же кинутся ее отговаривать. Это, конечно, очень мило с их стороны, но частенько друзья из лучших побуждений не дают людям совершить поступок, который в итоге принесет всем только благо.

Стиль письма, возможно, оставлял желать лучшего, но смысл она донесла. «Я ухожу. У меня есть на то причины. Не ищите меня». Однако Мэгги понимала, что, как бы она ни старалась, для многих это станет шоком. Люди примутся задавать вопросы: «Почему? Она ведь казалась такой счастливой!» И это правда. Она всегда старалась выглядеть счастливой. Некоторые будут удивляться: «Почему? Она ведь могла заполучить любого мужчину, какого пожелает!» Так уж и любого. Да после Ричарда ей никто другой и не нужен. А кто-то наверняка воскликнет: «Почему? Она ведь такая красавица!» Без сомнения, быть красивой приятно, но внешность сама по себе не приносит счастья. Дополнительные плюсы – да, но красивая мордашка – недостаточная причина, чтобы продолжать жить. Некоторые будут разочарованы, что она не дала более развернутый отчет о причинах, но причины у нее имелись. Только за последнюю неделю она записала шестнадцать веских причин, и наверняка есть еще, просто не вспомнились.

Водить людей за нос не в ее привычках. Так что лучше грациозно откланяться и благодарить Бога за то, что ей удалось хотя бы немного. Она никогда не курила, не ругалась, не повышала голос на людях, не нарушала правил дорожного движения, не получала штрафов за неправильную парковку, и это при том, что, несмотря на многолетний водительский стаж, она так и не освоила параллельную парковку. Но теперь ей шестьдесят, и она слишком молода, чтобы выйти на пенсию, и слишком стара, чтобы освоить новую профессию. Лучшая часть жизни явно позади. Так зачем продолжать борьбу? *Чего ради?*

Без Хейзел жить не легче, чем пытаться удержать спицу на носу или жонглировать шестью кольцами, стоя на шаре на одной ноге. Бывали моменты, когда Мэгги отчаянно хотелось выбежать на улицу голой и нестись куда глаза глядят, вопя как безумная, во всю силу легких, но, разумеется, она не могла себе такое позволить. Сейчас все кому не лень обзаводятся телефонами с камерой. Какой-нибудь бездельник наверняка заснимет ее и выложит в *YouTube*, и будет ее позорное фото болтаться в Интернете годами.

Бренде повезло. У нее до сих пор полно целей в жизни. Вот не далее как на прошлой неделе она объявила, что хочет баллотироваться на должность мэра Бирмингема, дабы разогнать муниципальный совет. У Бренды есть мечты и честолюбие и есть семья, которая о ней заботится. Даже у Этель Клип, которой, по слухам, не меньше восьмидесяти (точно никто не знает), есть коллекция колокольчиков и две обожаемые белые персидские кошки, Ева и Цза Цза. Бренда и Этель хотят жить, и весь мир хочет жить, а она – нет. Так что лучше сойти с дороги, а прочие пусть себе весело топают дальше.

Она скромно, тихо и рассудительно – и пожалуйста, не надо фанфар – покидает жизнь чуть раньше намеченного срока, только и всего. Тактика уклонения (возможно), неспособность смириться с действительностью (разумеется), упреждающий удар против старости (несомненно). Но есть и положительные стороны: она экономит государству кучу денег, что идут на социальные нужды недееспособных граждан; истратит меньше кислорода, газа, воды, еды, пластиковой и бумажной продукции; и в мусор попадет меньше кофейной гущи. Эл Гор² оценил бы.

Она положила письмо в конверт и спрятала в ящик, под стопку старых телефонных счетов. Стоп! Нужно оплатить все счета перед уходом. Про нее никто не посмеет сказать, что бывшая Мисс Алабама была паразиткой. Она села и оглядела комнату. Хотя мебель по боль-

² Альберт Арнольд «Эл» Гор-младший – вице-президент США с 1993 по 2001 год в администрации Билла Клинтона. В 2007 году Гору была присуждена Нобелевская премия мира за работу по защите окружающей среды и исследованиям проблемы изменения климата.

шей части ей не принадлежит, осталась куча мелочей, от которых нужно избавиться, так что заняться есть чем.

Подумать только, как все начиналось, какие были мечты и как все кончается... вот так сюрприз. Мэгги явно пересмотрела в детстве фильмов. Она ведь в самом деле ждала счастливого конца.

Инцидент с мороженым

Бренда на другом конце города черпала мятное мороженое с шоколадной крошкой, которое купила ее сестра Робби. Мороженого Бренде не полагалось, поскольку ей поставили диагноз «предрасположенность к диабету», но надо же было как-то отпраздновать. К тому же Робби, работавшая медсестрой в реанимации, уехала в больницу на вызов и не вернется до восьми. Бренда собиралась чуть-чуть подъесть с краев пол-литрового ведерка, а потом разровнять – Робби и не заметит. Она погрузилась в размышления. Конечно, когда крутящиеся дервиши не кружатся, им приходится ходить в повседневной одежде, по крайней мере во время переездов. Они просто в самолет не поместятся в этих высоких шапках, особенно если самолет маленький, но, может, они ездят в автобусах, как звезды вестернов. В автобусах потолки высокие. Хотя нет, нельзя же на автобусе от самой Турции приехать, значит, приходится им иногда и лететь, а может, они на пароход могут сесть? Она снова посмотрела на фото в газете, и вдруг эти высокие шапки показались ей очень тяжелыми. Интересно, сколько они весят? И не болит ли у дервишей голова все время носить их... Тут Бренда оторвалась от дервишей и обнаружила, что слопала половину ведерка.

Вот елки зеленые! Теперь не скроешь. Значит, придется бежать в магазин и покупать новое ведерко на замену. В прошлый раз, когда такое случилось, она долила воды, но Робби открыла мороженое, увидела, что там сплошной лед, и заподозрила неладное. Перевернув ведерко, Бренда на всякий случай проверила, не пометила ли его Робби. Та порой ставила крестик на дне, чтобы ее подловить, но на этом ведерке никаких отметок не было. Хорошо. Нельзя, чтобы ее снова поймали на мухлеже с диетой.

Три месяца назад ее застучали с поличным, и поскольку Робби – реанимационная медсестра и трясется за ее здоровье, сцена вышла не из приятных. Робби на семь лет моложе, но все равно командует Брендой. Она намного выше и худая как палка. К сожалению, Бренда пошла в мать и ростом была всего пять футов пять дюймов³, а весила на данный момент около 166 фунтов, что было ее средним весом. Нормальный – 150 фунтов, а максимальный был 178⁴. Предусмотрительная Бренда держала три набора одежды в шкафу: ХОРОШО, СРЕДНЕНЬКО и ЖИРНАЯ КАК БОРОВ. К ХОРОШО она не прикасалась больше пяти лет – с тех пор, как умерла Хейзел Уизенкнот. «Я ем из-за стресса», – говорила она Робби. А теперь ее сводят с ума работа и племянники, и она вот-вот перейдет от гардероба СРЕДНЕНЬКО к гардеробу ЖИРНАЯ КАК БОРОВ, а значит, и об обуви придется задуматься. Робби говорит, что Бренда – единственный человек в Америке, у которого размер ноги зависит от веса.

Бренда махнула рукой и доела мороженое. Потом смяла картонное ведерко, завернула его в фольгу и запихала на самое дно мусорного ведра под раковинной. Помыла ложку, вытерла и убрала в ящик для посуды, выложила связку бананов на блюдо. Взяв пачку молока из холодильника и свежую пачку «Чириос» из-под стойки, сунула все в бумажный пакет, надела новый парик а-ля Тина Тернер, прихватила сумку и направилась к двери. Выходить она не хотела, но если ее снова застучают за поеданием мороженого, ей влетит, особенно после происшествия, имевшего место три месяца назад.

В доме, за который после утомительных переговоров уже была внесена часть суммы, обнаружились серьезные строительные неполадки, и покупатель аннулировал договор. Бренда страшно огорчилась. Сделка сорвалась, а она уже спланировала, что свой гонорар потратит на новый 50-дюймовый телевизор. Бренда прекрасно знала, что нельзя этого делать, но все же поехала в кафе-мороженое в другую часть города, где ее никто не знает, а Робби наверняка

³ 166 см.

⁴ 166 фунтов – чуть больше 75 кг, 150 фунтов – 68 кг, 178 фунтов – чуть меньше 81 кг.

не увидит. Заказав огромный пломбир, политый сиропом и взбитыми сливками, украшенный тремя вишенками на макушке и посыпанный орехами, она направилась с ним к машине, и вдруг на нее налетел мальчишка и попытался вырвать из рук сумочку. Хорошо, что сумочку ему отобрать не удалось. Плохо, что на следующее утро этот инцидент был освещен в «Бирмингем ньюс».

С ПЛОМБИРОМ НАПЕРЕВЕС

Мисс Бренда Пиплс с улицы Секонд-Сурт-Саус, 1416, будучи не в настроении отдавать свою сумку грабителю, отразила нападение большой пластиковой миской с мороженым, которую держала в руке. Прохожий, свидетель происшествия, сказал, что «она из него дух выбила». Подоспевший на место сражения полицейский – а события разворачивались на парковке кафе «Фостерс Фриз» – сообщил, что 18-летний преступник хотя и не был серьезно травмирован, но являл «жалкое зрелище».

Все, кто прочел эту заметку, считали, что ничего смешнее не случилось с тех пор, как один чудак пытался ограбить Первый национальный банк Алабамы, угрожая живым лобстером, но Бренда просто взбесилась от того, что ее имя пропечатали в газете. В то время она ходила на занятия для похудения, и мало того, что Робби узнала о ее вранье насчет диеты, так еще благодаря болтливому репортеришке и вся группа была в курсе, потому больше она туда не пошла. Да лучше бы она отдала этому балбесу сумку и спокойно съела мороженое.

Единственное утешение, что после попытки ограбления хозяева кафе выдали ей в точности такое же мороженое – взамен использованного в качестве средства обороны. Но об этом Бренда рассказывать сестре не стала.

И снова размышления

Мэгги все яснее понимала, что ничего удивительного в том, как повернулась ее жизнь, собственно, нет, если учесть, сколько она приняла ошибочных решений. Господи, ну почему она не вышла замуж за Чарльза Хогса Третьего, когда он предлагал? Его родители в ней души не чаяли. В день рождения повели в клуб «Бирмингем» на вершине Красной горы. Это было потрясающе. Подиум для танцев крутился и переливался разноцветными огнями, шикарно одетые люди сидели вокруг за столиками и потягивали экзотические коктейли, и мисс Марго весь вечер играла на пианино в Золотом зале с видом на город. Чарльз был высоким блондином с голубыми глазами и нежной, как у девушки, кожей.

В тот день Чарльз заказал там ужин и устроил чудесную вечеринку, во время которой и сделал ей предложение. Она только что получила титул Мисс Алабама, и, когда вошла в зал, оркестр сыграл в ее честь «Звезды падают на Алабаму». Она была на седьмом небе. Они протанцевали всю ночь, а когда вернулись за столик, по распоряжению Чарльза ей поднесли на десертной тарелке черную бархатную коробочку с обручальным кольцом, украшенным огромным бриллиантом.

Это был волшебный год. Они были золотой парой, и на какие только вечеринки их не приглашали все лето! Чарльз прекрасно танцевал и был неотразим в смокинге и оригинальных, сшитых на заказ черных кожаных туфлях с бантиками-бабочками. Ей нравилось, как он движется во время танца. Он прижимал ее, она чувствовала тепло его тела сквозь пиджак и переставала понимать, где кончается он и начинается она. А вечерами, после возвращения домой, запах его одеколona держался на коже и одежде еще несколько часов. Она была слишком молода, чтобы понимать: это волшебное лето не будет длиться вечно. Думала, у них на все хватит времени.

За Чарльза не вышла, так хоть уроки игры на арфе не бросала бы. А то разучила всего две песни. Двух песен хватило, чтобы выиграть конкурс «Мисс Алабама», но она не могла обеспечить себя на всю жизнь, без конца играя «Нежность» и «Эбб и Тайд». И почему вообще она выбрала арфу? Ее же никуда с собой не возьмешь. Почему не пикколо, или флейта, или скрипка? Особых успехов в музицировании она не достигла, зато выучилась изящным плавным движениям, благодаря которым казалась гораздо более умелой арфисткой, чем была на самом деле. Даже ее учительница по музыке заметила: «Недостаток музыкального таланта, дорогуша, ты компенсируешь вкусом и стилем». Вот она, история ее жизни. Вот за счет чего она до сих пор держалась. Кроха таланта и уйма вкуса. Мало кто догадывается, что у нее всего шесть или семь хороших костюмов и платьев, а это так. Зато все стильные. Благодаря распродажам дизайнерских нарядов и тому, что она знает примерно сорок способов интересно повязать платок, ей удавалось всегда хорошо выглядеть внешне, а что там у нее на душе – совсем другая история. Неизвестно почему, но она всегда была не уверена в себе, боялась ошибиться, вечно ждала какого-нибудь чудесного знака, который помог бы ей решить, что делать, и обычно дело кончалось тем, что она не делала ничего. Но сегодня в 5:30 она приняла решение, которое кажется ей правильным. Какое облегчение.

Мэгги взяла почту с серебряного блюда в прихожей. Сплошной мусор да реклама «Ивовых озер» – общества активных пенсионеров. Она бросила почту в мусорное ведро. Включила свет на кухне и заметила на стойке визитку Дотти Фигг из агентства недвижимости «21-й век». Должно быть, показывала сегодня ее дом. Дотти – трудяга, за последние три недели она трижды привозила одну супружескую пару из Техаса. В настоящий момент на продажу выставялся только дом с двумя спальнями, но Мэгги вдруг сообразила, что ее-то дом после 3 ноября освободится. Наверное, стоит завтра позвонить Дотти. Пусть будет начеку. Что за дом конкретно, она пока говорить не станет. Дотти ей нравилась. Они вместе участвовали в конкурсе «Мисс

Алабама». Дотти играла на тромбоне и танцевала степ, но сейчас Дотти так же едва держится на плаву, как и она сама. Два года назад Дотти объявила, что выходит из Южных баптистов и «вступает на путь» Восточных. Мол, если бы не Ом-йога и ежедневные поклоны богине Цзюань Инь, она бы не выжила. Поначалу было немного странно видеть на днях открытых дверей, устраиваемых Дотти, буддистские молитвенные флажки и магические кристаллы, но она была такая славная. Недавно Дотти продала дом в их кооперативе и в благодарность подарила Мэгги двойную вазочку инь-ян. Мэгги не очень понимала, к чему ее приспособить, но не хотела обижать Дотти глупым вопросом.

Налив большой бокал вина, Мэгги села на диван в гостиной, скинула туфли и водрузила ноги на кофейный столик. Она потягивала вино и размышляла, что еще нужно сделать, чтобы все прошло гладко. Она хотела уйти не только без долгов, но и никому не причинив беспокойства. Сегодня она слишком устала, но завтра первым делом составит список «Что сделать перед уходом». Память может и подвести, вдруг забудешь какую-то мелочь, так что лучше записать. Непонятно почему, может, просто от усталости, но в последнее время она стала кое-что забывать, например, имена знакомых людей и любимых актеров. На прошлой неделе никак не могла вспомнить Тэба Хантера. Он всегда был ее кумиром, уж его-то как можно было забыть?

Мэгги сделала еще глоток и вернулась мыслями к крутящимся дервишам. Ох, боже. Неужто людей из «Искусства и досуга» опять поселят в огромный, шикарный отель в центре? Хейзел всегда говорила: «Люди едут в Бирмингем, ожидая худшего, поэтому вдвойне важно, чтобы они увидели лучшее». Она взглянула на часы. Звонить Кэти в офис уже поздно. Утром первым делом нужно с ней созвониться и, если она еще не забронировала отель, мягко предложить что-нибудь более домашнее, дабы подчеркнуть местный колорит, «Динклер-Тутвиллер», например, или даже какой-нибудь гостевой коттедж в загородном клубе «Маунтейн-Брук». Хотя у них там строгие правила в одежде, и мужчины в юбках, если это не танцоры из школы шотландских танцев, могут вызвать неодобрение.

Еще глоток вина. Но об одном точно можно не беспокоиться: дервишей в Бирмингеме примут по-королевски. Когда в прошлом году приезжала оперная певица Мэрилин Хоум, она получила 65 корзин с фруктами с надписью «Добро пожаловать в Бирмингем». Народ в Бирмингеме известен дружелюбием и гостеприимством. Надо признать, некоторые говорят даже о чрезмерном гостеприимстве, мол, приезжие настолько устают от него, что жаждут только одного – попасть домой и отдохнуть.

Да, жители Бирмингема аж из себя выпрыгивают, чтобы понравиться. Но Мэгги считала, что причиной тому не только их дружелюбный от природы нрав. Еще они стараются загладить недоброжелательные высказывания о Бирмингеме, которые частенько мелькали в прессе во времена движения за гражданские права. Это было ужасно. И по сей день, стоит где-нибудь в мире возникнуть расовым неурядицам, на свет извлекаются старые бирмингемские кинохроники: 1963 год, полицейские натравливают на демонстрантов собак и поливают из брандспойтов. Это разбивает ей сердце. Нет, конечно, все было, спору нет. Но пресса преподнесла это так, будто все до единого жители Бирмингема ярые расисты, а это неправда.

В письме она написала слово «подавлена», потому что так легче понять. Но для описания ее состояния больше подходит слово «печальна». Мэгги никому не рассказывала, что с ней случилось в Атлантик-Сити в тот год, когда она стала Мисс Алабамой, и не расскажет. Жители Алабамы, и в частности Бирмингема, и так слишком часто слышат о своем дурном поведении.

Дама с замороженной рукой

Бренда стояла в магазине «Пятерочка», глубоко засунув руку в огромный морозильник. За последние десять минут она передвинула с места на место, похоже, сотню коробок мороженого в поисках полукилограммовой упаковки мятного с шоколадной крошкой. Здесь продавались тонны всяческого мороженого – ромовое с изюмом, кофейное, с маслом ореха пекан, и ванильное, и клубничное. Кроме мятного с шоколадной крошкой. Отлично. Мало того, что ее правая рука совершенно отморозилась – настолько, что она не чувствует пальцев, – так теперь еще придется пилить в супермаркет «Бруно» на шоссе Грин-Спрингз. А если и там треклятого мороженого нет?

Ведя машину левой рукой (правая еще не оттаяла) через весь город, она все больше злилась на Робби. Ну что бы не купить просто шоколадное или просто ванильное? Она же любит ванильное. Так нет, подавай ей мятное с шоколадной крошкой, летнее, которого – и Робби прекрасно это знает – осенью днем с огнем не сыщешь. И зачем вообще держать мороженое дома – специально, чтобы Бренду дразнить? Хотя у Робби вообще что-то не то с головой. Как человек может забыть пообедать? Бренду это просто бесило. Робби никогда не доедала до конца то, что лежит на тарелке, а в день рождения съела всего половину кусочка торта. Бренда в жизни не ограничивалась половиной куска и не понимала тех, кто на это способен.

Через полчаса, выйдя наконец из «Бруно» с коробкой мороженого, Бренда боролась с собой, чтобы не смотреть направо, поскольку знала, что кафе-мороженое по соседству еще наверняка открыто. Но она была расстроена и подавлена, так нужно же хоть чем-то себя утешить, и после самого краткого из известных человечеству сражений она повернула в сторону кафе. Раз уж она все равно слопала полкило мороженого и пустила под откос целый месяц диеты, почему бы не позволить себе маленький стаканчик обезжиренного, без сахара. Теперь это уже не повредит.

Она взяла в автомате квиток с номером и встала в длинную очередь, все еще злясь на себя за то, что съела мороженое Робби. Но в конце концов, она не виновата, это у них семейное. Свою старшую сестру Тонью Бренда водила к психологу и дважды помещала в реабилитационный центр по борьбе с алкоголизмом. Ничего не помогало. Тонья не умела остановиться после одной рюмки и всякий раз напивалась до беспамьяства. Так же, как Бренда, видимо, не может остановиться на одной ложке мороженого. Ну да ладно. Завтра она на месяц прекращает есть сладкое.

Очередь двигалась медленно. Разглядывая толстяков в очереди, Бренда решила, что воздержится от булочек и картошки. Надо похудеть к лету. Прошлым летом был чистейший ад, хоть весь тальк в мире насыпь на себя, все равно сидишь вся мокрая посреди влажного пекла Алабамы, к тому же в последнее время начали побаливать колени – еще бы, такую тяжесть таскать. Робби она об этом ни словом не обмолвилась, дабы не услышать ее извечное «Я же тебе говорила». Просто мучение жить с профессиональным медиком.

Она взглянула на часы. Почти четверть девятого. К девяти нужно быть дома как штык. Одна надежда, что Робби не придет раньше и не решит именно сегодня полакомиться мороженым. Не должна бы, но если учесть, как Бренде сегодня везет... Надо было повернуться и уйти в ту секунду, когда парень за стойкой тренькнул звонком. Он звал подмогу, поскольку женщина перед ней заказала мороженое для целой футбольной команды шестиклассниц, ждущих снаружи в автобусе. Ну надо же, а! И как раз когда она так спешит. Когда Бренда наконец очутилась у стойки, автомат, выдающий мороженое, сломался, и она прождала еще десять минут.

Подъезжая к гаражу, Бренда издали увидела машину Робби. Слава тебе господи, Бренда подстраховалась и взяла из дому пакет молока, хлопья и бананы: вот, мол, зачем я ездила в магазин. Мороженое она спрятала в сумку. Положит в холодильник, когда Робби уйдет

спать. Когда она вошла в кухню с пакетом в руке, Робби, не успевшая еще сменить белый халат на домашний, удивленно посмотрела на нее:

– Привет, куда это ты ходила?

– Нужно было кое-что в магазине.

– Да? Что же нам было нужно?

– Бананы, молоко и «Чириос». – Бренда принялась раскладывать продукты на те же места, откуда их и взяла.

У Робби был растерянный вид.

– Странно. Я думала, с утра у нас лежала связка бананов. Разве нет?

Бренда не любила, когда ее уличают во лжи, и вовремя вспомнила слова Хейзел: «Если не знаешь ответа на вопрос, с большим воодушевлением смени тему». Поэтому она с большим воодушевлением воскликнула:

– Угадай, кто приезжает в Бирмингем! Крутящиеся дервиши!

– Крутящийся кто? – не поняла Робби.

Бренда резво схватила газету и показала статью, и Робби, к ее облегчению, забыла о бананах. Будь благословенна, Хейзел. Пять лет как умерла, а до сих пор без нее никуда.

Тем временем в Эйвон-Террас

Хотя Мэгги не сомневалась в правильности решения, она так и не могла понять, почему решила именно сегодня. Может, вчерашний разговор с Этель так на нее подействовал?

Когда Мэгги вернулась с обеда, Этель сказала:

– Кто бы знал, как мне не хватает Хейзел. Столько времени прошло, а я до сих пор не могу поверить, что она умерла.

Мэгги кивнула:

– Мне тоже ее не хватает. Каждое воскресенье чудится, что она позвонит спозаранку и скажет: «Привет, Мэгги, поехали странствовать». Она любила кататься по городу в своей большой старой машине, без дела ни минуты не сидела и от всего получала удовольствие.

– Да, с ней все было весело.

– Этель, ты ведь знала ее лучше всех. Как думаешь, она не уставала от постоянного веселья и деятельности?

Этель покачала головой:

– Ни на минуту. *Мы* – да, могли устать, но не она, и это утомляло. Помнишь, чего она только не устраивала. Бейсбол, все эти вечеринки, поиски пасхальных яиц, безумные поездки... Эта женщина нас так загружала, что мне даже разводиться пришлось по телефону.

– Интересно, как ей это удавалось?

– Понятия не имею, но за ней было не поспеть. Мы становились старше, а она нет. Помнишь, заставила нас всех учиться крутить хулахуп, а потом маршировать на параде? У меня два месяца бока болели.

Следующий вопрос Мэгги должна была тщательно продумать. Этель очень нервно воспринимала свой возраст.

– Этель, что для тебя самое неприятное в... э-э... в твоём возрасте?

– Самое неприятное?

– Да.

Этель подумала.

– Ну, наверно, чем старше, тем меньше ты чего-то ждешь. В молодости ждешь, что вырастешь, выйдешь замуж, заведешь детей, потом ждешь, когда же они от тебя съедут.

Вот оно, точно. Ей совершенно нечего ждать. Разве что весны (в Маунтейн-Брук невероятно красиво расцветают кизил и цветы) да осени с ее пестрыми листьями. А больше вроде и незачем все это продолжать. Этель попала прямо в яблочко.

Мэгги посмотрела на часы. Почти четверть десятого. Надо что-нибудь пожевать, иначе голова разболится. Завтра-то все равно идти на работу. Так что она встала, вынула из морозилки готовый обед (печеная куриная грудка и пюре с овощами) и сунула в микроволновку. Дома она питалась лишь замороженными обедами и тостами, потому что: а) не хотела потом отмывать кухню, б) пусть и могла завязать платок сорока разными интересными способами, но готовить не умела. Нет, пробовала, конечно. Поступив на работу к Хейзел, она устроила небольшой ужин для девушек-сотрудниц, но дрожжевые булочки у нее не пропеклись, и после ухода гостей дрожжи в них еще продолжали подниматься, а ночью всех гостей увезли на «скорой» в Университетскую больницу – кроме Бренды, которой ничего не сделалось. После этого Мэгги вообще перестала подходить к плите. Но за все нужно платить. От содержащегося в замороженных обедах натрия у нее отекали руки.

В ожидании, пока разогреется ужин, она взяла журнал «Нью эйдж», оставленный Дотти с пометкой: «Отл. номер!!» Листала страницы, но не видела ничего кроме рекламы ковриков для йоги, свеч для медитации и бесчисленных книжек из серии «Помоги себе сам»: «Премудрости менопаузы», «Диета для достижения оргазма», «Как лелеять ваше тело и ваше либидо

одновременно», а одна называлась так: «Сто секретных сексуальных поз древности, собранных со всего мира». Господи помилуй. Она не хотела обижать Дотти, но это вовсе не то, что ее интересует, по крайней мере, на данный момент. Поэтому она бросила журнал в мусорное ведро и взяла сегодняшнюю газету.

Как Бренда и говорила, на первой странице раздела развлечений была помещена большая фотография крутящихся дервишей, и смотрелись они так, будто сошли с экрана... Впрочем, для Мэгги почти все казались ненастоящими. Ричард выглядел в точности как Эдди Фишер⁵.

Когда она впервые увидела Этель Клип, их менеджера с редкими лиловыми волосами, стоящими на голове торчком, и в огромных лиловых очках, которые вдвое увеличивали глаза, та показалась Мэгги инопланетным жуком из дешевой фантастической киношки. В 1976-м принимающий всех желающих на бульваре художник-колорист подбирал для Этель ее цвета и сообщил, что больше всего ей идут лиловый и сиреневый, и с тех пор она ничего другого не носила. Хейзел дала Этель прозвище Лиловая Вспышка. Брендю она называла Громоступом, поскольку издавала слышала ее шаги, а Мэгги была Девочкой из Волшебного города.

Поужинав, Мэгги составила посуду в посудомоечную машину и включила ее. Потом приняла ванну, почистила зубы, легла и включила телевизор послушать новости. Как обычно, говорили исключительно про грядущие выборы президента. В последнее время они сводятся к тому, что люди просто поливают друг друга грязью. Тут до нее вдруг дошло. Ее здесь не будет четвертого ноября, чтобы узнать, кто победит в президентской гонке. Так зачем же смотреть? Новости ее только огорчают. Они в основном плохие. Она не Бренда, которая интересуется политикой, и не Этель. У Этель настоящая информомания, ей подавай новости двадцать четыре часа в сутки. Мэгги – нет. Новости она смотрела только ради того, чтобы хоть маломальски поддерживать беседу с клиентами. Но теперь-то можно не смотреть! Какое счастье – выключить телевизор. И если ее о чем-нибудь спросят в эти несколько дней, она ответит: «Простите, я не в курсе».

На самом деле Мэгги о многом не знала бы с удовольствием. Ее поражало, как едва знакомые люди могут рассказывать о вещах сугубо личных. Она ни с одной живой душой не стала бы обсуждать Ричарда, тем более с незнакомцами. Может, она и ханжа, но в том, чтобы *не* знать точных деталей, есть что-то милое, по-настоящему интеллигентное. Она бы предпочла, чтобы люди изъяснялись более неопределенно, но сейчас, особенно в торговле недвижимостью, нельзя позволить себе неопределенности или мягкости. Ни по какому вопросу. Сегодня, чтобы оставаться в игре, приходится быть жестким, даже жестоким, как Бебс. Мэгги изо всех сил старалась быть жесткой, но не могла, и все тут.

Вот вам еще одна резонная причина выйти замуж за Чарльза, когда он предлагал. Но она-то была нацелена на Нью-Йорк, собиралась стать богатой, известной и прославить свой штат. Единственная проблема – она не продумала, как именно станет богатой и известной. Не умея ни петь, ни играть на сцене, ни танцевать и при явном отсутствии музыкального таланта все, что она могла, – это со вкусом одеваться и стильно выглядеть. Но в Нью-Йорке, как оказалось, ее пяти футов восьми дюймов⁶ роста не хватило, чтобы стать профессиональной моделью. И после года поисков место модели ей удалось получить только в «чайном домике» «Мезонин» в универсаме Неймана Маркуса в Далласе. Еще можно было стать стюардессой, но в те времена бывшие Мисс Алабамы шли не в стюардессы. Они шли, и удачно, замуж и рожали в среднем 2,5 детей.

Мэгги тоже могла удачно выйти замуж. Большинство ребят, с которыми она училась в школе, были родом из старинных чугунных, угольных и стальных семейств, и, хотя родители

⁵ Певец и актер с русскими корнями; сильный и мелодичный тенор вкупе с выигрышной внешностью сделали его кумиром американских подростков первой половины 1950-х. Помимо музыки, Фишер известен своими звездными браками с голливудскими знаменитостями Дебби Рейнольдс (1955–1959), Элизабет Тейлор (1959–1964) и Конни Стивенс (1967–1969).

⁶ 172 см.

ее жили весьма скромно, богатые мальчики «с горы» искали свиданий с ней, но нравился ей только один из них – Чарльз.

Когда она ему отказала, он повел себя как джентльмен и не подал виду, что сильно огорчен, но потом до нее дошли слухи, что он едва не спился после ее отъезда в Нью-Йорк. Почему он за нее не боролся? Почему не настоял? Почему не поехал следом? Если бы он примчался за ней перед ее отъездом из Нью-Йорка в Даллас, она бы с радостью вернулась домой. И не познакомилась бы с Ричардом. Господи... Ну почему Чарльз повел себя так благородно? К чему такое джентльменство? Обе жизни – его и ее – могли бы сложиться совсем по-другому. Но вероятно, он не мог быть никем иным, только собой, как и она – только собой. Дурой набитой.

Вернувшись из Далласа в родной город, она боялась с ним столкнуться, но, к счастью, этого не случилось. Большинство знакомых были настолько тактичны, что не упоминали о нем вовсе. Только однажды девица, которую она едва знала, жена их с Чарльзом общего друга, спросила:

– А ты ничего не слышала про Чарльза Хогса?

– Боюсь, что нет.

– А-а, мы тоже. Известно только, что он женился на дочке какого-то швейцарского банкира и уехал.

Мэгги надеялась, что Чарльз счастлив. Он заслужил счастье, как она заслужила обратное. В сущности, она сама устроила себе такую жизнь.

Редкая красавица

1965 г.

В Бирмингеме полно красивых девушек, но Мэгги Фортенбери была из тех редких красавиц, на которых чем дольше смотришь, тем они кажутся красивее. Чарльз Хогс Третий мог часами не отрывать от нее взгляда и все пытался понять, что же отличает ее от других. Наконец пришел к выводу, что глаза. В глубине ее карих глаз крылось нечто настолько нежное, стыдливое и уязвимое, что ему хотелось защищать ее от всего мира.

Чарльз мог запросто поддержать разговор с любимым человеком, молодым или старым, но рядом с Мэгги напрочь лишался дара речи и, к стыду своему, то и дело повторял: «Боже... какая ты красивая». Но ведь и вправду красивая. Чарльз увлекался фотографией и, делая снимок за снимком, обнаруживал, что под каким углом Мэгги ни снимай, фото всегда получается удачным. Плохих сторон в ней не было, насколько он мог судить. Впрочем, он ведь был влюблен.

Еще бы. Тем летом он возил Мэгги и ее арфу с одного званого вечера на другой, Мисс Алабама была в городе нарасхват. А он держался на расстоянии и наблюдал, как с ней все носят. Это не вызывало у него возражений, он с радостью любовался бы ею издалека всю отпущенную ему жизнь. И, получив после разговора с ее отцом благословение, потратил много часов, выбирая кольцо. Спланировал весь вечер: ужин, танцы и после этого предложение.

Мэгги не знала, но его родители уже выплатили деньги за их будущий дом. Он собирался на следующий день после того, как она скажет «да», повезти ее на гору и сделать сюрприз. Родители будут ждать снаружи с шампанским, чтобы отметить это. Но она сказала «нет».

Ей хотелось сначала покорить Нью-Йорк. Чарльз разрывался. Он не желал становиться у нее на пути, но знал, что если она поедет, то наверняка станет знаменитой и он ее больше не увидит.

В день, когда она уехала, он стоял рядом с ее родителями, улыбался, махал рукой, но едва поезд отъехал от станции, понял, что потерял ее. Он ее не винил: она не могла быть другой. Но чувствовал, что не сможет вытеснить ее из сердца. Неудивительно, что следующие пять лет он пил не просыхая.

Лиловая Вспышка

Понедельник, 27 октября 2008 г., полночь

Мэгги давным-давно погасила свет, а Этель Клип все сидела на кровати в своей лиловой ночной рубашке с нарисованными котами, накручивая на бигуди реденькие лиловые волосы и без конца переключая с местных новостей на *CNN* и *Fox TV*. Этель было все равно, кто победит на выборах: ни один кандидат ей не приглянулся. Тем не менее она хотела знать, что творится в мире, дабы утром было на что пожаловаться. Конечно, Бренда ахала-охала вокруг Барака Обамы, а Мэгги политику не обсуждала и за кого голосовала – неизвестно. Этель же никто особо не нравился со времен Гарри Трумэна, с 1948 года, о чем она сразу всем и сообщала. Этель бывала резковата в суждениях. Она была старше, чем признавалась (в прошлом мае стукнуло 88), глуха на одно ухо и страдала ужасным артритом на оба колена, но, несмотря на возраст, не пропустила в агентстве «Красная гора» ни одного рабочего дня. Работать она любила. Благодаря работе и сердце ее продолжало биться. Некоторые с нетерпением ждут пенсии, чтобы путешествовать. Пфф! Были времена, когда люди путешествовали ради удовольствия, но теперь, насколько известно Этель, никакого удовольствия от этого не получишь.

Ей нравилось ездить на поездах, да только с тех пор, как поезда стали государственными, некогда изящные вагоны-рестораны с белыми льняными скатертями и прекрасными серебряными приборами превратились в дрянные кафешки, где народ во вьетнамках на босу ногу ест подогретые в микроволновке сэндвичи, пьет пиво и диетический лимонад. А полеты вообще за гранью. Стоять в длинной очереди, чтобы тебя обыскивали и просвечивали до кишок, как преступника. Черт, она не желает снимать обувь на глазах у незнакомых людей и ставить ее в грязное пластмассовое корыто. Много лет назад в самолетах подавали полный обед: ростбиф с подливкой или лобстера с хорошим вином и десертом. Теперь же – угощайтесь, пожалуйста – вода и пакетик арахиса. И даже если самолет не опаздывает, никто из служащих не поможет тебе с багажом. Когда она летала в последний раз, при попытке снять с ленты чемодан ее проволокло полкруга, и, если бы ее не поймал какой-то мужчина, неизвестно еще, чем бы все закончилось. Да и чемодан-то оказался ЧУЖОЙ! Ее багаж потеряли. Как, объясните бога ради, чемодан с биркой «Атланта, штат Джорджия» мог улететь в Бьютт, штат Монтана, на совершенно другом самолете? А на машине как теперь ездить, скажите на милость? Тебя подпихивают сзади гигантские восемнадцатиколесные драндулетищи, пугают своими гудками до полусмерти. И даже если ты доберешься-таки до места назначения и тебя не раздавят по дороге в лепешку, там все равно все по-другому. Давным-давно, когда ты вселялся в гостиницу, тебя радостно приветствовали словами «Добро пожаловать». Теперь же какой-нибудь мальчишка за стойкой, не взглянув, спросит только: «Номер зарезервирован?» Так что Этель сидела дома.

Да и все равно она не могла уехать. Пока Мэгги и Бренда удерживают на плаву агентство «Красная гора», она будет барахтаться вместе с ними. А помня про Бебс Бингингтон (Бирмингемское Чудовище), которая так и вьется акулой вокруг их фирмы, нужно быть начеку двадцать четыре часа в сутки. У Этель уже зародились кой-какие подозрения, и будь она проклята, если позволит Бебс сыграть с Мэгги такую же грязную шутку, как с Хейзел.

Конечно, Этель христианка и все такое, но она до сих пор не может простить Бебс то, что та сотворила с Хейзел. Она над этим, разумеется, работает, но пока безрезультатно.

Чудовище

Бебс (Бирмингемское Чудовище) приехала в город десять лет назад из Нью-Джерси, стала членом Алмазного клуба и шесть лет подряд была ведущим агентом по продажам. В бизнесе Бебс – просто динамо-машина, это так, но чаще всего про Бебс говорили, что человек она дурной. Она даже не пыталась изобразить из себя хорошего человека, ну разве что перед клиентом. У Бебс было не только два лица, у нее было и два голоса. Общаясь с работниками или другими агентами, она отдавала приказы громким, резким тоном, которым можно лед рубить, с клиентом же говорила влажным, сиропным говорком. По определению Бренды, от ее попыток скопировать южное произношение стошнит и червяка. Говорят, каждый получает лицо, какое заслуживает, и в случае с Бебс – это правда. Кое-кто (Этель) однажды сказал, что Бебс – вылитая портовая крыса в цивильной одежде, неумолимая и жестокая, полная дрянь, но аккуратистка. С маленькими, колючими глазками-бусинками, с узким острым личиком и длинным острым носом – вылитый грызун, рвущийся к намеченной цели. Однажды на торжественном обеде, устроенном под лозунгом «Женщины в агентстве недвижимости», Бебс сидела за столом и щипала сыр, и Этель, пихнув Бренду локтем, прошептала: «Глянь, я ж говорила, что она крыса». Но Бренда возразила, что Бебс больше похожа на гончую с парой дрянных сережек в ушах.

Не только наружность Бебс раздражала Этель, но и то, как грубо та вела дела, какие кричаще-безвкусные рекламы помещала в газеты. Бебс давала объявления только заглавными буквами, и они просто орали на читателя:

**СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!
БЕГОМ, А НЕ ШАГОМ!
ЗАХВАТИТЕ ЗУБНУЮ ЩЕТКУ!**

Мэгги в объявлениях оперировала более мягкими понятиями: «Приготовьтесь влюбиться», «Изысканность прошлого», «Дом, в котором сбываются мечты» или «Ваш новый чудный дом ждет вас». Рекламируя менее дорогие дома, Мэгги писала: «Редкий шанс для разборчивого покупателя», «Очаровательный и по средствам» или «Совершенный дом для первой покупки и для желающих сэкономить». Бебс продавала те же дома под такими лозунгами:

**ДЕШЕВО! ДЕШЕВО! ДЕШЕВО!
НАСТОЯЩИЙ СТИЛЬ!
ХВАТАЙ ПОКА МОЖЕШЬ!
БУДЕТ ЧЕМ ПОХВАСТАТЬСЯ!**

Объявления Мэгги с рекламой элитных домов на горе были особенно краткими и простыми: «Цена договорная». А вот как Бебс продавала такие дома:

**ЕСЛИ СПРАШИВАЕШЬ, ЗНАЧИТ,
ОН ТЕБЕ НЕ ПО КАРМАНУ!**

Если объявление Мэгги гласит: «Большой, просторный дом, идеален для коллекционера и благотворительных выставок», то Бебс стесняться не станет:

**ЕСТЬ КАРТИНЫ? СТЕН ХВАТАЕТ!
УЙМА МЕСТА ДЛЯ ВЕЧЕРИНОК!**

На взгляд Этель, мягкости и утонченности в Бебс не больше, чем в магистральном тягаче «Мак», но с годами агентство Бебс Бингингтон втрое обставило «Красную гору» по продажам.

Стало ясно, на что клюет публика, и Этель злилась так, что еще чуть-чуть – и начнет плевать пулями.

Сейчас всякий имеющий отношение к их бизнесу знал, что Бебс не брезгает брать взятки у строительных компаний. Если строители положили глаз на какой-нибудь старый особняк, выставленный на торги, Бебс без промедления подкатывала к владельцу и уговаривала продать дом симпатичным молодоженам, специально нанятым на эту роль. А как только сделка оформлена, тут же у старого дома возникали бульдозеры, строители сносили особняк и едва ли не за ночь возводили на его месте дешевую в постройке ярко-оранжевую мегавиллу в средиземноморском стиле, больше всего похожую на мексиканский ресторан быстрого питания. А Этель злилась: «Какое вообще, к черту, отношение имеет средиземноморский стиль к Бирмингему?»

Бессонница в Маунтейн-Брук

Мэгги была бы рада уснуть, но из головы не шли мысли о том, что нужно успеть сделать до третьего ноября. Она уже решила пожертвовать всю одежду и украшения маленькому любительскому театру за углом. Ее соседка Бутс работает там – бесплатно, конечно, – костюмершей и говорит, что им вечно недостает костюмов. Все остальное – простыни, одеяла, полотенца, посуда, кастрюли и сковородки – пойдет Армии спасения, но она никак не могла придумать, как поступить с кубком «Мисс Алабама», наградной лентой и короной. А семейные фотографии и газетные вырезки – их куда? Пристроить некому, но и не хочется, чтобы все это окончило свой век на распродаже домашних пожитков с лужайки. Может, отнести на работу и сунуть в большую машину для уничтожения документов в задней комнате? Но надо еще сообразить, как этот монстр работает. Когда в последний раз она пыталась его запустить, он превратил ее любимый шарфик в сотню красивых обрезков.

Мэгги проворочалась еще полчаса, после чего сдалась, поплелась на кухню, заварила чаю и приступила к списку.

ЧТО СДЕЛАТЬ ПЕРЕД УХОДОМ

1. Отказаться от подписки на журналы «Южная жизнь», «Терраса» и «Южная леди»
2. Намекнуть Дотти об освобождении дома
3. Убрать все со стола на работе и дома, из ящиков и шкафов
4. Придумать, куда деть корону и кубок
5. Купить картонные коробки
6. Упаковать одежду для театра
7. Сходить в «Уолмарт»
8. Закрыть чековую книжку
9. Закрыть все кредитные карты кроме «Мастеркард»
10. Доразобрать бумаги
11. Оставшиеся деньги послать в Красный Крест и Общество спасения

Она надеялась, что деньги останутся. Красный Крест очень помог ей с родителями, а животных она всегда любила, хотя не могла держать дома.

Потом она принялась стаскивать коробки со шкафа в прихожей. Она годами туда не заглядывала и не знала, что там лежит. Обнаружились три шляпные коробки с одним только бараклом Мисс Алабамы. Ну вот, теперь еще думать, что из этого выкинуть, а что изрезать.

Позже она села в кухне перебирать старые фотографии. Трудно поверить, что она была такой молодой. Но вот она, на снимках, в короне, с букетом роз, улыбается направо и налево, счастливая, наивная, и совершенно не представляет, что ее ждет.

Хорошо бы протиснуться сквозь годы назад и как-нибудь взять да и остановить время. Она бы остановила его на том вечере. Но время движется вперед и тянет за собой, хочешь ты того или нет.

Разглядывание старых фотографий и газетных вырезок навело на размышления о серии событий, которые предшествовали ее сегодняшнему решению. Наверное, все началось в Атлантик-Сити, когда она потеряла Чарльза, затем Ричарда, а потом и обоих родителей в один год. Но последней каплей для нее стала Хейзел.

Хейзел пришла на работу веселая, смеялась, а назавтра ее не стало. Такая внезапная смерть, полная неожиданность. И долго еще всем казалось, что она вот-вот ворвется в комнату с прибауткой на устах, рассмешит всех, взбодрит, похвалит, чтобы почувствовали себя умнее.

Все старались работать как обычно, но со временем – очень медленно – с болью поняли, что она не вернется, и жизнь в офисе вдруг стала пресной, работа трудной, часы долгими. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь не сказал: «А помните, Хейзел говорила...» Или: «А как бы с этим разобралась Хейзел?» Она была их моторчиком, и много лет все работали с радостью. Вместе с ней ушел стимул вкладывать душу в дело, ушло чувство гордости, что они в Команде Хейзел. Им всем страшно ее не хватало. Но у Мэгги смерть Хейзел выбила почву из-под ног. В тот год, когда она потеряла обоих родителей, Хейзел незаметно заняла их место и стала для Мэгги опорой и наставником. Хейзел была для нее предметом обожания, человеком, на которого Мэгги смотрела снизу вверх. Хотя на Хейзел снизу вверх смотрели все, кто ее знал. Забавно, учитывая, что ростом она была всего три фута четыре дюйма⁷.

⁷ Примерно 103 см.

Хейзел Уизенкнот начинает

21 сентября 1929 г.

«Какая крошка!» Эту фразу большинство людей хоть когда-нибудь да слышали в свой адрес, но относительно Хейзел Уизенкнот это была чистая правда. Когда она родилась, отец мог держать ее на ладони, и все же оба родителя были буквально потрясены, когда доктор сообщил, что их девочка ростом будет немногим больше трех футов⁸. Только во втором классе Хейзел сама начала замечать что-то странное. Она не становилась выше, в отличие от остальных детей в классе. Она спросила родителей, у тех были готовы ответы, и если она когда-то и обижалась на судьбу или жалела себя, то они об этом не знали. Каким-то образом ее мать подобрала очень верные слова и произнесла их в подходящий момент. Хейзел сказали, что она отличается от других, но зато она «особенная», и ей понравилось это слово. Она с этим справилась и постаралась соответствовать. Но кое-чего родители не знали. Не знали они того, что внутри ее маленького тела билось сердце прирожденного бизнесмена, вернее, прирожденной бизнесвумен, и ей не терпелось начать.

Всего через пять коротких лет миссис Мэй Флауэр, доев омлет, мыла тарелку, когда раздался стук в дверь. Она вытерла руки, гадая, кто мог наведаться в гости в такой час, но, открыв дверь, никого не увидела. И собиралась уже закрыть ее, как вдруг откуда-то снизу раздался голос:

– Добрый день, мэм.

Опустив взгляд, Мэй Флауэр обнаружила человечка в маленьком, аккуратном комбинезончике и с розовой заколкой в волосах. Миссис Флауэр никогда в жизни не встречала таких маленьких людей.

– Добрый день, мэм, – повторил человечек. – Надеюсь, он для вас добрый.

Миссис Флауэр была настолько поражена видом говорящего крошечного создания, что в ладоши захлопала от восторга.

– Батюшки мои, какая прелесть! Так и хочется схватить и затиснуть до смерти, только поглядите на эти игрушечные ручки и ножки! Просто куколка, ей-богу, говорящая куколка!

Куколка очаровательно улыбнулась:

– Спасибо, мэм.

Миссис Флауэр распахнула дверь и сказала:

– Входи же, лапонька, входи, я тебе сейчас пирожка принесу или еще чего, ты же не откажешься, правда? Ай, какая жалость, что мужа-то нет дома. Он ни за что не поверит. Ты с цирком приехала?

– Нет, мэм, что вы, – сказала малышка. – Я живу здесь, в Вудлоун, на Тринадцатой Южной улице, кварталах в пяти отсюда. – Она указала на стоящую неподалеку машину. – Меня мама подвезла.

Миссис Флауэр взглянула в указанном направлении и увидела сидящую в зеленом «шевроле» женщину нормальных размеров, та улыбнулась и помахала ей рукой.

Она помахала в ответ, провела малютку в комнату и предложила сесть.

– Чем я могу помочь тебе, дорогая? Ты ведь небось на что-нибудь деньги собираешь?

– Ой, нет, мэм, я только хотела узнать, не желаете ли вы избавиться сегодня от сорняков?

– Сорняков?

– Да, мэм. Когда мы проезжали мимо, я заметила у вас сорняки, надо их выполоть. – Говорящая кукла подошла к подоконнику гостиной, доходящему ей до носа, приподнялась на

⁸ 91,44 см.

цыпочки и ткнула пальчиком в лужайку. – Давайте я вам за доллар прополю лужайку перед домом и сбоку.

– Ты хочешь... выполоть сорняки?

– Да, мэм.

– Ты уверена, детка? Это же трудная, грязная работа, совсем не для такой крохотульки.

– А мне нравится работать. Правда.

Миссис Флауэр прижала руки к сердцу:

– Ох, душечка, я не хочу, чтобы ты этим занималась. Можно я просто подарю тебе доллар? Увидеть тебя на своем крыльце – уже того стоило. Ты мне так подняла настроение!

Кроха нахмурилась:

– Нет, мэм, за так я деньги взять не могу, я должна их заработать.

Миссис Флауэр поняла, что девочка непреклонна, а отпускать ее с пустыми руками не хотелось.

– Ну ладно, детка, если хочешь полоть, – поли.

Несколько минут спустя, когда миссис Флауэр нарезала пирог и поставила на стол высокий стакан чая со льдом для своей неожиданной маленькой гостьи, в дверь постучали. Это была соседка, Перл Джефф, жена судьи. Она только что вернулась с обеда в бридж-клубе и не успела переодеться и снять жемчужное колье.

– Мэй, ты в курсе, что у тебя на лужайке перед домом сидит карлица? – резко спросила она.

– Да, я в курсе. Заходи, – сказала миссис Флауэр, вытирая руки о передник.

Жена судьи вошла в дом, вид у нее был крайне озабоченный.

– Почему у тебя на лужайке сидит карлица?

– Ну, Перл, она постучала и сказала, что хочет поработать – прополоть сорняки. Я говорю, не обязательно, мол, сорняки дергать, я могу и так денег дать, а она – нет, не хочу, хочу прополоть лужайку, ну что было с ней делать? Я и говорю – ладно, если хочешь, давай. Вот она и пропальвует. Такие дела. Не знаю, что и думать, но она такая милая.

Жена судьи отодвинула занавеску и посмотрела на кроху.

– Тоже мне новость – ты вечно не знаешь, что думать. Сколько ей лет?

– Трудно сказать, может, шесть, а может, и все шестьдесят. Как определить возраст у лилипута? Не представляю.

Не отрывая взгляда от окна, жена судьи сказала:

– Н-да-а, чудеса-а, тут не знаешь, чего и ждать, верно?

– Да, верно. Если бы в восемь утра мне сообщили, что нынче ко мне в дверь постучит настоящий живой лилипут, я бы не поверила.

– А кто бы поверил? Все равно как если бы розовый слон заявился к тебе на обед и уселся за стол. Она не цыганка, как тебе кажется?

– Ой, нет, она живет в пяти кварталах отсюда. Вон ее мама в машине ждет. Крошка до ужаса похожа на маленькую Ширли Темпл⁹, правда?

Два дня спустя жена судьи позвонила соседке по телефону:

– Я тебе одно скажу, Мэй, твоя лужайка никогда не выглядела лучше. Я рассказала судье о маленькой лилипутке, которая у тебя сорняки повьдрала, и он велел, если снова ее увидишь, попросить, чтобы и к нам пришла. А то нас одуванчики вконец одолели. Уолтер совсем уже старик стал, слепой, куда ему с одуванчиками тягаться. Он теперь только кусты пострижет, газонокосилкой пошурует – да и уходит.

⁹ Ширли Темпл (р. 1928) – американская актриса, обладательница Молодежного «Оскара» в 1934 году, известна в основном по своим детским ролям.

Жена судьи сказала чистую правду. Лужайка миссис Флауэр никогда не выглядела лучше. Точно перед домом развернули новехонький зеленый ковер. Ни одного сорняка. Крошечная Хейзел была так близко к земле, что намного лучше видела сорняки, чем обычный человек с высоты своего роста. И передвигалась она шустро, так что за несколько часов могла прополоть больше, чем любой взрослый за целый день. Слухи разлетаются быстро, и скоро Хейзел Уизенкнот выпалывала сорняки у всей округи, а также у большинства людей, знакомых с женой судьи по бридж-клубу. И все они соглашались, что ежели малышка Хейзел поработает у вас в саду, сорняки забывают к вам дорогу. Просто мистика, судачили дамы, может, она обладает каким-то тайным лилипутским знанием. А миссис Джек Манн с Шестнадцатой уверяла, что Хейзел – лепрекон¹⁰.

А пока суд да дело, малышка Хейзел складывала монетки в копилку и к тринадцати годам скопила на учебу в школе бизнеса. Кроме того, у нее взяли интервью для раздела «Дом и сад» в «Бирмингем ньюс». Ответ на вопрос, как стать хорошим специалистом по выдергиванию сорняков, был помещен под ее фотографией.

*МАЛЫШКА ХЕЙЗЕЛ УИЗЕНКНОТ, СПЕЦИАЛИСТ ПО ПРОПОЛКЕ
СОРНЯКОВ ИЗ ВУДЛОУНА, ГОВОРИТ:*

«Садовод должен не только любить красивые лужайки, но и ненавидеть сорняки».

Отец Хейзел лопался от гордости и хвастался перед коллегами в своей компании декоративных стальных украшений: «Только двенадцать, а уже в газете о ней пишут!»

В средней школе Хейзел с самого начала сопровождал успех. В старших классах ее выбрали старостой класса и капитаном команды болельщиц. Когда она в перерывах между матчами выбегала на футбольное поле, одетая в крошечную сине-золотую форму болельщиц вудлоунской старшей школы, и несколько раз подряд делала сальто, публика ревела от восторга. Даже те, кто болел за команду соперников.

Когда Хейзел окончила школу, отец повел ее к знакомому механику, тот соорудил для нее специальные устройства в машину, чтобы она доставала до педалей, и она стала ездить по всему городу, продавая по домам журналы, и на заработанные деньги окончила школу бизнеса, стала сертифицированным специалистом CPA¹¹ и получила лицензию агента по недвижимости. Всегда на шаг впереди, она предвидела, что после войны будет большой спрос на дома, в 1943 году арендовала небольшой однокомнатный офис и через полгода наняла свою первую работницу, Этель Клип. До тех пор недвижимостью занимались исключительно мужчины, но Хейзел быстро положила этому конец, нанимая только женщин. Зарплату она назначала щедрую, за это ее любили и работали вдвое усерднее, и к 1955 году агентство «Красная гора» открыло восемь филиалов и обещало стать самой крупной компанией по торговле недвижимостью во всем штате.

Хейзел верила в саморекламу и регулярно выступала на популярном телешоу «С добрым утром, Алабама». А 31 июля 1968 года она вошла в кабинет директора телекомпании и, глядя ему в глаза, объявила:

– Мистер Слинкард, я уникальная особа, другой такой вы не найдете. Я даже саму себя очарую запросто! Вот мне и подумалось: а не начать ли мне собственное шоу?

Через несколько месяцев после того, как «Охота за домом с Хейзел» вышла в эфир, директору пришлось согласиться с ее утверждением. Рейтинг передачи зашкаливал. Хейзел знакомила людей с новыми кварталами и районами, о существовании которых они не подозре-

¹⁰ Лепрекон – это маленькое хитро-жадное существо из ирландских легенд. Если его поймать и правильно попросить, то он исполнит три желания и еще отдаст котелок с золотом.

¹¹ Сертификация CPA – это международно признанная бухгалтерская квалификация высшего уровня.

вали. Она брала интервью об ипотеке, покупке, продаже, аренде, обустройстве дома внутри и снаружи. Женщины Бирмингема вдруг заинтересовались недвижимостью, и те, у кого и мысли не было переезжать, продавали свои дома и покупали новые. Вскоре Хейзел стала местной знаменитостью и наслаждалась каждой минутой этой славы. Иногда во время обеденного перерыва или когда срочных дел не было, она заставляла Этель поехать с ней в центр, где вставала на углу Двдцатой улицы, напротив универмага «Лавмэн», пожимала прохожим руки и вручала свою визитку. Спустя час, когда Этель уже умирала от усталости, Хейзел, бодрая и полная сил, провозглашала: «Обожаю людей, а ты?»

Этель, людям предпочитавшая кошек, отвечала: «Только в малых дозах». Удивленная Хейзел говорила: «Не знаю, я от них никогда не устаю». И это было правдой.

В 1971-м Хейзел заявила, что ей надоело коротать ночи в одиночестве и она начинает охоту на мужа. В тот же год она отправилась на съезд «Маленькие люди Америки», и нашла таки, и привезла себе маленького мужа. Малыш Гарри, итальянский карлик из Милуоки, как и весь прочий мир, попал под чары Хейзел. Это был отличный брак – она обожала его, а он ее.

Но после смерти Хейзел Малыш Гарри был безутешен. Он вернулся в Милуоки, к родным. Как и остальные, без Хейзел он потерялся.

Всем не хватало Хейзел. Ее улыбки, освещавшей комнату, ее огромного, как луна, сердца. Конечно, Команда Хейзел не могла не думать о ней всякий раз, как звонил телефон. Хейзел поставила на все рабочие телефоны свою любимую песню в качестве звонка. Всем давно надоело целыми днями слушать «Я ищу клевер с четырьмя листочками», но никому не хватало духу сменить звонок.

Многие вещи напоминали им о Хейзел. Даже цвет их машин. Хейзел придумала шикарную фальшивую рекламу с агентством «Мерседес» о том, что якобы каждый год все ее агенты получают новый голубой «мерседес». Хейзел нравился голубой цвет, он напоминал ей о другой любимой песне – «Голубые небеса». Хейзел всегда любила песни со счастливым концом.

Главным козырем Хейзел в бизнесе было ее умение угодить обеим сторонам. Во время переговоров, когда цифра вот-вот должна была сравняться с намеченной ценой, она стучала по столу маленьким кулачком и провозглашала: «Ладно, пойдет!»

«Всегда оставляйте и продавцам, и покупателям ощущение, что они получили чуть больше, чем ожидали», – не уставала повторять Хейзел. А ее рабочим девизом были слова: «Представляйте дом в самом выгодном свете. Продавайте быстро. Иначе он может перестоять».

Самое время

Вторник, 28 октября 2008 г.

В четыре утра, стоило Мэгги наконец задремать, ее разбудили громкие гудки мусоровоза. Лежа в темноте и глядя на луну в окне, она почему-то снова вернулась мыслями к крутящимся дервишам. Они вообще кто, турки? И почему слово «Оттоман» пришло ей на ум? Думала она о стране в это время или низеньком диванчике – оттоманке? Господи, еще один повод для сожалений. Надо было поступать в колледж вместо «школы обаяния»¹². Она научилась грациозно выходить из машины и садиться в нее, правильно держать чашку, но вот в географии не сильно продвинулась. Прежде очаровывать было важным умением, ему даже специально обучали, но теперь Мэгги, получавшая по этой дисциплине исключительно пятерки, обнаружила, что даже она подрастеряла очарование. Торговля недвижимостью, вернее, то, во что она превратилась в наши дни, способна выбить шарм из кого угодно.

В домах, выставленных на продажу, ее кусали разъяренные кошки, собаки, хомяк, два попугая и хорек. Она открывала дверь на чердак – и на нее набрасывались летучие мыши, вцеплялись в платье, в волосы. Спускаясь в подвал, она падала на скользких ступенях, она роняла на себя вывеску «День открытых дверей». А однажды до смерти перепугалась, обнаружив в ванне на втором этаже 18-футового¹³ удава – владелец дома забыл ее предупредить о своем любимце. А праздные любопытствующие, которые заявляются «просто посмотреть»! А назойливые дельцы и истеричные клиенты! Все это вместе взятое весьма эффективно помогает избавиться от хороших манер.

Недавно Мэгги обнаружила, что разговаривает с телевизором. «Да заткнись ты!» – рявкнула она физиономии на экране. Сейчас это «заткнись» выскочило в собственном доме, без свидетелей, но кто знает, когда она оступится и предложит заткнуться живому человеку? Крайне не хотелось, чтобы долгие годы вежливости и любезности пошли прахом, но Мэгги чувствовала, что угроза с каждым днем все сильнее и однажды она позволит себе дурное поведение на публике. Что-то нарастало в ней и рвалось наружу. Были и другие тревожные знаки. Несколько месяцев назад она намеренно порекомендовала худший ресторан в Бирмингеме хамоватой супружеской паре из Вирджинии, а не далее как на прошлой неделе случилось и кое-что посерьезнее. Она сидела в машине, ждала зеленого на светофоре, вдруг видит – Бебс Бингингтон, Бирмингемское Чудовище собственной персоной, переходит улицу прямо перед ее машиной. Она, конечно, знала, что Бебс ее не любит, но не понимала за что. Мэгги не сделала ей ничего дурного. И тем не менее она не питала к Бебс такой ненависти, как Бренда и Этель. Просто избегала ее по возможности. Однако в тот день Мэгги вдруг вспомнила, что Бебс сотворила с Хейзел, и на какой-то миг у нее мелькнула мысль дать газу и сбить ее. У нее не только имелся мотив, но и случай представился. К счастью, в следующее мгновение на перекрестке появился бегун и момент был упущен. Наверное, впервые в жизни нерешительность сыграла ей на руку, но если срочно не принять мер, то она может просто свихнуться и все закончится передачей «Крыша набекрень», где фигурируют как раз такие вот спятившие особы. Мэгги мысленно увидела бегущую строку на канале *CNN* под кадрами хроники: **БЫВШАЯ МИСС АЛАБАМА ЗАДАВИЛА КОНКУРЕНТА ПО ТОРГОВЛЕ НЕДВИЖИМОСТЬЮ**. И вот на экране ее, облаченную в оранжевый комбинезон смертницы и закованную в наручники, волокут в тюрьму.

Бренда говорит, что если Бебс когда-нибудь убьют, то в подозреваемые попадут все риелторы Бирмингема, ибо каждый из них хоть раз в жизни желал ей смерти. Но ведь Мэгги и

¹² «Школа обаяния» – курсы искусства одеваться, держаться в обществе и т. п.; обыкновенно готовит манекенщиц.

¹³ Примерно 5,5 метра.

паука прихлопнуть не может, а тут всерьез была готова задавить человека при свете дня, а это означает, что пора изолировать себя от общества, и чем раньше, тем лучше. У «Красной горы» и без того проблем навалом, не хватало еще, чтобы его агенты отправлялись на электрический стул. Или еще того хуже – сошли с ума и загремели в психиатрическую больницу, как бедная Оливия де Хэвилленд в фильме «Змеиная яма». Вот полюбуйтесь, она уже разговаривает с телевизором. Пора сходить с дистанции. Она явно не тянет.

Детство в царстве грез

Дело в том, что Мэгги в детстве пересмотрела фильмов. Неудивительно, принимая во внимание, что отец ее был директором «Царства грез», маленького кинотеатрика, а сами они жили над ним, в однокомнатной квартире, по соседству с будкой киномеханика, пока Мэгги не исполнилось восемь. Сейчас, с высоты своего возраста, она понимала, что далеко не каждый ребенок ходит домой через фойе кинотеатра, но тогда это казалось ей само собой разумеющимся.

Чтобы попасть в квартиру, нужно было пройти по темной, узкой, застеленной ковром лестнице, вечно загроможденной старыми сломанными прожекторами, рекламными щитами «СКОРО В КИНОТЕАТРЕ» или «ПОКАЗ ПРОДЛЕН НА НЕДЕЛЮ» и картонными коробками с черными пластиковыми буквами для афиш. Внутри же квартиры были бетонные блочные стены, выкрашенные бледно-зеленой краской, и темно-коричневый крапчатый линолеум. В ванной комнате – ванна на когтистых лапах и лампа с одним плафоном. В кухне – электрическая плитка и маленький холодильник под раковиной. Днем смотреть не на что, зато вечером все менялось. С наступлением темноты всё в квартире, включая родителей и ее саму, заливало чудесным розовым светом от большой неоновой надписи «Царство грез» над окном. Все становилось таким красивым, таким веселым. Как будто в мультфильме живешь. В небольшом алькове, где она спала, в стене имелось отверстие. Откроешь его – и перед тобой огромный экран. Каждую ночь Мэгги лежала и смотрела кино под убаюкивающее жужжание проектора за стеной, голосов с экрана и негромкого смеха публики из зрительного зала. А жаркими летними ночами, когда родители оставляли двери квартиры нараспашку, чтобы гулял сквозняк, она слышала, как трещит большой красный автомат попкорна и позвякивает касса на прилавке с конфетами, и если не засыпала до конца последнего сеанса, то слушала хлопанье поднимаемых ряд за рядом деревянных сидений. А потом гудение большого пылесоса, собирающего остатки попкорна и фантики от конфет. Всю жизнь, стоило Мэгги уловить запах попкорна и конфет, она будто снова оказывалась в той маленькой квартирке над кинотеатром.

Ей нравилось жить в царстве грез, но сейчас Мэгги подозревала, что именно из-за этого ей всегда было так трудно смириться с реальностью. Она где-то прочла, что в возрасте от одного до четырех лет происходит формирование личности, так что, вероятно, в этом причина.

Она росла в эру «Глориоус Техниколор», эру великих киномузыклов с веселыми песнями и красивыми людьми, где в конце мальчику всегда достается девочка. И хотя Мэгги была единственным ребенком, причем поздним, она никогда не чувствовала одиночества. Кинозвезды были ей и друзьями, и товарищами по играм, и Мэгги чувствовала себя абсолютно счастливой. Но потом все помешалось на телевидении. И вслед за многими маленькими кинотеатрами «Царство грез» закрылся, и пришлось им переехать в обычную квартиру. Вот это был шок.

В реальном мире не было ни закадровой музыки, ни попкорна с конфетами, ни розового света по ночам. Не было даже сюжета, за развитием которого можно следить. Отцу удалось найти другую работу – он стал торговать обувью, но с деньгами вечно было туго, приходилось переезжать из одной душной квартирке в другую, и постепенно Мэгги охватили тревога и растерянность. Мир вокруг казался таким странным и незнакомым. Родителям она ничего не говорила, но ее не покидало чувство, что произошла какая-то ошибка и она находится не там, где надо. Но она не знала, где ее место. Не знала до того жаркого, влажного августовского дня – ей было тогда десять. Мама только что поступила помощницей к швее, чтобы хоть немного подработать, и взяла Мэгги с собой на примерку к даме, жившей в Маунтейн-Брук. Мэгги никогда не бывала в этой части города, и, когда на подъезде к Красной горе увидела на вершине «Гребешок» – большой, величественный особняк в стиле эпохи Тюдоров, – у нее перехватило дыхание. На фоне неба он показался Мэгги замком из фильма. И когда они, объехав

Красную гору, спустились в прохладный, утопающий в пышной зелени мир Маунтейн-Брук с его тенистыми улочками, заросшими плющом кирпичными и каменными домами и длинными, изящными рулонными газонами, Мэгги почувствовала себя похищенным ребенком, которого только что вернули домой. Вот где ее место, вот где она вновь может дышать.

В те дни они жили на другом краю города, в мрачной подвальной квартирке с трубами под потолком, но «Гребешок» подарил ей мечту. По ночам Мэгги лежала на кочковатом, отжившем свой век диване и фантазировала о большом доме на холме. Представляла, как сидит на террасе, пьет чай и смотрит на раскинувшийся внизу город. Эти глупые детские мечты стали для нее отдушиной в бесприютных скитаниях от одного тесного, темного жилища к другому. За эти годы «Гребешок» стал для нее больше чем местом на карте, он стал целью, дающей силы жить.

Многие клиентки швеи, у которой работала ее мать, жили «на горе», и Мэгги любила ездить к ним и разглядывать чудесные особняки, мебель, картины, ковры в восточном стиле, длинные лестницы, ведущие в огромные, просторные, полные воздуха спальни с балконами, откуда открывался вид на город. Никто не возражал против ее визитов, Мэгги была воспитанной и тихой девочкой. Все дамы были добры к ней, но в миссис Робертс Мэгги влюбилась с первого взгляда. Она казалась Мэгги идеалом изящества и грации. У миссис Робертс не было дочери, и к Мэгги она проявила особый интерес. Время от времени она спрашивала маму: «Можно пригласить Мэгги на чай?» или «Можно я возьму Мэгги на пасхальный обед в клуб?»

Мэгги нравилось ездить в Бирмингемский загородный клуб с его массивными, обитыми мебельным ситцем в цветочек стульями и диванами, и люди «с горы» ей тоже нравились – их манеры, наряды и то, как они за собой ухаживают. Ее приводили в восторг экзотические деликатесы: сыр камамбер, артишоки, икра, черные оливки, копченая семга. Ах, как это отличалось от надоевших франко-американских спагетти из банки. Когда ей исполнилось двенадцать, миссис Робертс выхлопотала для нее стипендию в «Брук-Хилл», частной школе для девочек. Если бы миссис Робертс не взяла ее под свое крыло, Мэгги никогда бы не узнала, что в мире есть такая красота и тонкость. Миссис Робертс научила ее быть благодарной даже за самые маленькие радости.

И хотя миссис Робертс была едва ли не самой богатой дамой в Бирмингеме, в ней не чувствовалось никакой претенциозности. Жертвуя деньги на многие мероприятия в городе, она делала это инкогнито. Никакой классовой или расовой разницы рядом с ней никто не ощущал, ее дом был открыт для всех, и всех там привечали одинаково любезно.

Вот такой, как миссис Робертс, Мэгги и мечтала стать. Она приглядывалась к элегантной жизни обитателей домов «на горе» и ждала, когда повзрослеет, чтобы туда переехать. Ей и в голову не приходило, что этого может не случиться. Мэгги не сомневалась, что в один прекрасный день окажется там, в красивом доме, замужем за прекрасным человеком, но, как и во многом другом (и Ричард тому пример), она катастрофически ошиблась.

Мэгги с удовольствием провела бы жизнь, как миссис Робертс или другие дамы «с горы». Это была аккуратная, организованная жизнь. После смерти мужей они продавали большой дом и переезжали в маленький – с садом, в Инглиш-Виллидж. В преклонном возрасте переселялись в любимый всеми епископальный дом для престарелых под названием «Св. Иоанн в соснах», чтобы провести остаток дней среди старых друзей, с которыми они еще в детский сад вместе ходили. Они играли в бридж и ездили в театры, музеи и на выставки цветов в казенном автобусе.

В «Св. Иоанне» жильцы проходили через три этапа, что значительно облегчало тяготы последнего отрезка жизненного пути. На первом их ждал маленький коттедж с садиком, позже, когда здоровье постояльца слабело, его переводили в сектор с нянечками и сиделками, а оттуда – на семейный участок на кладбище. Замечательный, целесообразный и предсказуемый конец, но, увы, у нее не было на это ни денег, ни желания ждать так долго. Честно говоря,

счастливого киношного конца она не дождалась, но начало-то было чудное – поди придумай лучше.

Новый день

Мэгги наконец задремала, и ей приснился теплый летний вечер. Она снова молодая, в белом вечернем платье танцует под мириадами звезд. Но с кем она танцует? С Чарльзом? Она не видела, но сон был такой живой, такой красивый, что проснулась Мэгги окутанная облаком тепла и счастья. Однако не прошло и нескольких секунд, как накатила волна привычного холодного серого страха, теплое сияние угасло, на смену ему пришла грубая реальность настоящего. Семь утра. Снова собираться с силами, чтобы встать и встретить еще один день. Лучше бы не было этих снов, после них еще тяжелее. Она почувствовала на щеках горячие слезы и потянулась за платком. Господи, теперь глаза опухнут, а ведь с утра дом показывать. Клиентам не хватало только хлюпающего носом нытика-агента.

Она подошла к зеркалу в ванной. Так и есть, глаза опухли и покраснели. Надо приложить чайные пакетики. Сейчас бы завалиться обратно в постель, да нельзя. Дел полно, надо пораньше начать. В одиннадцать встреча с Брендой, и сегодня ее очередь покупать вино и сыр на день открытых дверей, а еще она хотела позвонить Кэти Гилмор в «Искусство и досуг», узнать о ситуации с отелем для крутящихся дервишей.

Сидя с чайными пакетиками на глазах, она сообразила, что в ее ситуации волноваться о том, где будут жить абсолютно чужие ей люди, – полный идиотизм. Тем не менее волноваться на этот счет не перестала. Ровно через минуту после восьми она позвонила Кэти в офис, чтобы та не успела повиснуть на телефоне. Не зря же ее окрестили Болтушкой Кэти. К счастью, та ответила сразу.

Через двадцать минут Мэгги посчитала вежливым завести наконец разговор о том, куда поселят дервишей, и Кэти сообщила, что они приезжают в день выступления и уезжают в Атланту сразу после шоу. Даже не останутся ночевать в Бирмингеме. Как всегда, Мэгги устроила суету из ничего, но теперь она хоть перестанет об этом думать. Вот ведь незадача. За всю жизнь она потратила столько часов, дней, даже лет в беспокойствах то об одном, то о другом. Это серьезный недостаток. То ли дело Хейзел. Хейзел все принимала легко. Даже когда они проиграли Бебс Бингингтон большой новый заказ, весь персонал огорчился, но Хейзел отмахнулась:

– Да ну, буду я еще тратить время на сожаления. Я и без того кучу денег зарабатываю, а время мне нужно для веселья. – Потом повернулась к неудачливому агенту: – Максин, а ну, спроси меня, почему женщина застрелила своего мужа стрелой из лука.

Как ни была Максин расстроена, она через силу улыбнулась и спросила, а Хейзел ответила:

– Потому что не хотела будить детей.

Днем по заказу Хейзел им в офис доставили дюжину роз с открыткой: «Помните, девочки, перед самым рассветом тьма всегда стужается!» Хейзел смотрела в будущее с оптимизмом. Но Мэгги, к сожалению, на Хейзел не похожа. Впрочем, на нее никто не похож.

Свою первую встречу с Хейзел Бренда, как и большинство людей, запомнила на всю жизнь. Бренда только что вернулась в родной город из Чикаго, чтобы быть ближе к семье, и увидела интересное объявление в газете. Агентство недвижимости «Красная гора» набирало людей для обучения специальности, и Бренда, позвонив, попала прямо на директора агентства, которая тут же назначила встречу.

Когда Бренда вошла к ней в кабинет, крошечная женщина ростом не больше ребенка соскочила с кресла, подошла и пожала ей руку со словами: «Привет, я Хейзел. Знаешь хорошие анекдоты?» И не успела Бренда моргнуть, как ее взяли на работу. Через несколько минут, выйдя из кабинета, она обратилась к Этель, печатавшей на машинке:

– Простите... Та леди в самом деле директор фирмы?

– Конечно, – сказала Этель, поправив на носу лиловые очки.

– А... хм... Она знает, что она карлица?

– А как же. – Этель и не подумала прекратить стучать по клавишам. – Но я уверена, что, если вы зайдете и скажете ей об этом, она будет рада узнать и поболтать с вами об этом.

– Ой, да нет... я не это хотела сказать... Я хотела сказать, что она ведет себя совсем как настоящий человек... Ой. То есть я не хочу сказать, что она не настоящий человек. Просто... Ну, по телефону она говорит не как карлик.

– Вот как?

– Я думала, они все разговаривают такими смешными голосами, как жевуны в «Волшебнике из страны Оз». Ну ладно... Увидимся в понедельник... наверное, – промямлила Бренда, пятась к двери, пока не выставила себя еще большей душой.

Этель невозмутимо стучала по клавишам. Она привыкла к такой реакции людей. Она работала с Хейзел с самого начала и видела это много раз, но когда проходил первый шок, все быстро забывали о том, какого роста Хейзел, поскольку Хейзел и сама не делала из этого события. Бывали кое-какие неудобства в быту, но она или не придавала этому значения, или что-нибудь придумывала. Хейзел возила в машине небольшую лесенку на всякий случай, а в сумке – раздвижную волшебную палочку, чтобы нажать на кнопку верхнего этажа, если оказывалась одна в лифте. А со всем остальным она прекрасно справлялась.

В 1972 году Хейзел попала в Книгу рекордов Гиннеса как «Самая великая маленькая владелица агентства недвижимости».

Блестящий план

Несмотря на то что в запасе у Мэгги осталось еще несколько дней, ей хотелось первым делом с утра поехать в «Уолмарт» и купить последние необходимые вещи, чтобы не держать это в голове.

Через двадцать минут Мэгги вошла в магазин и направилась к 10-й линии. К счастью, она точно знала, какой цвет ей нужен и какой размер, и заплатила наличными. Она не желала оставлять следов, а приобретение резиновой лодки по кредитной карте (что отобразится на распечатке счета) так близко к дому может кого-нибудь насторожить. Продумав все до мелочей, она не хотела проколоться на последнем этапе. Принять решение – уже дело нелегкое, но вряд ли кто представляет, насколько трудно разработать практически осуществимый, жизнеспособный план того, *как* это сделать.

С таблетками мало кому удавалось довести задуманное до конца. Ружье – брр, кошмарное зрелище, как представишь – бывшая Мисс Алабама... А уж как репортеры обожают приписывать жителям Юга любовь к оружию! То-то они оторвутся. Так что нет, увольте. Совать голову в духовку бесполезно, в Эйвон-Террас все плиты электрические, а проделывать это в чужой кухне непорядочно. Машина ее принадлежит компании, так что падение в пропасть тоже не годится. И все эти способы не предполагают, что после смерти вид у тебя останется хоть мало-мальски привлекательным. Пусть кому-то это покажется мелочью, но Мэгги была человеком ответственным и собиралась выглядеть наилучшим образом при любых обстоятельствах.

Конечно, требования у нее были почти невыполнимые. Но полгода назад Мэгги посещала группу «Растянутые, гибкие и сильные» и в гимнастическом зале, занимаясь с грузом, пристегнутым к лодыжке с помощью липучек, придумала блестящий план. В выбранный заранее день – теперь он уже определен, 3 ноября – она спустится к реке Вориор, сядет в резиновую лодку, выплывет на середину реки, прилепит 10 фунтов грузиков на лодыжки и 10 фунтов на запястья и прыгнет в воду.

У нее были опасения, не расстегнется ли под водой липучка, но продавец в «Биг Би Спортс» заверил, что вода липучкам не помеха. Однако для пущей надежности Мэгги зашла в магазин «Как по телевизору» и прикупила тюбик быстровысыхающего стопроцентно водоотталкивающего клея, с гарантией, как сказано в рекламке, на всю жизнь. И так, третьего числа, оказавшись на середине реки, она намажет клеем замок-липучку, подождет положенные на высыхание 20 минут – и готово, топись на здоровье. План был хорош. Настолько хорош, что так и просился прочь с языка. Жаль, нельзя никому похвастаться.

После возвращения домой у нее еще осталось несколько часов до встречи с Брендой на дне открытых дверей, и это хорошо. Есть время рассортировать вещи и уложить в коробки. Мэгги наливала вторую чашку кофе, как вдруг... господи! Сегодня же вторник, на 9:30 она записана к Гленну, парикмахеру, а у нее напрочь вылетело из головы. Ну не кретинка? Столько дел, а придется два часа тратить на стрижку. О боже. Ну почему она вчера об этом не вспомнила? Можно позвонить, сказать больно, но тогда придется торчать дома, чтобы ее не видели хотя бы день. Нет, не пойдет.

В парикмахерской жесткое правило – отменять запись за 24 часа, и, если она не придет, ее все равно заставят заплатить, а просто отдать Гленну деньги и удрать как-то глупо. Конечно, всегда можно отослать чек. Но если Гленн получит от нее что-то по почте после того, как ее не станет, он ужасно огорчится, а ей меньше всего на свете хотелось кого-то расстраивать, тем более Гленна. Женщина, с которой он прожил двенадцать лет, только что сбежала с конькобежцем, так что Гленн и без того на грани. Что же делать? Она посмотрела на часы. Ладно, проще всего поехать, а коробками займется вечером.

В 9:42 она сидела в кресле, а Гленн накручивал пряди на бигуди и делился последними известиями о своей бывшей. Не считая того факта, что день нынче выдался больно суетливый, в парикмахерской было очень даже мило. Как обычно, в этот час стриглись старушки из дома «Св. Иоанн в соснах», оглашая салон веселым щебетом.

Мэгги сидела и представляла, до чего огорчился бы Гленн, узнай он, что все его усилия напрасны, и вдруг услышала, как Фэрли Дженкинс говорит Виржинии Шмит: «Джин, до меня дошли слухи, что Ди Ди Далтон подумывает продать дом».

Пару месяцев назад, услышав, что кто-то подумывает о продаже дома, Мэгги сорвалась бы и с мокрыми волосами помчалась к домовладельцу, чтобы не упустить сделку. Но поскольку через несколько дней она собиралась покинуть торговлю недвижимостью, подобным новостям не полагалось ее трогать. Однако, узнав, *какой* дом может быть выставлен на торги, Мэгги потеряла дар речи.

Гленн все рассуждал о своей бывшей, но Мэгги не слышала ни слова. Мысли ее лихорадочно скакали. Все в городе уверены, что миссис Далтон ни в жизнь не расстанется с «Гребешком». Такое даже невозможно вообразить. Особняк никогда не выставлялся на рынок, с чего вдруг она будет его продавать? «Гребешок» не просто дом. Это символ, ориентир этих мест. Как же грустно, что он пойдет с молотка. Мэгги совсем разнервничалась.

Ох. Она знала, что едва Гленн досушит ей волосы и она оплатит счет, как придется бороться с желанием помчаться на гору и взглянуть на особняк в последний раз. Но к чему? Зачем именно сегодня подвергать себя такому испытанию? Дел и так невпроворот. Сейчас ее вообще должно занимать только одно – подготовка к понедельнику. Есть четкий план, так сосредоточься и придержишься его.

Она заплатила, вышла, села в машину и поехала напрямик к горе. Глупость, ребячество, но остановить себя она не могла. Припарковала машину напротив «Гребешка» и тотчас почувствовала себя страшно несчастной. Он стоял, как всегда величавый, гордый, и смотрел сверху на город. Для Мэгги он был идеальным домом, с идеальными пропорциями, элегантен и сдержанный. Внутри она, конечно, не бывала, но миссис Робертс, подруга миссис Далтон, рассказывала, что во всех комнатах там обшитые деревянными панелями стены и самая красивая в мире белая мраморная лестница. В юности Мэгги грезилась об этой белой мраморной лестнице.

В последнее время она беспомощно наблюдала, как Бебс Бингингтон распродает прекрасные старинные особняки на горе и один за другим они превращаются в прах. А на их месте возводят современных уродцев. Невыносимое зрелище. Но если Бебс наложит лапы и на «Гребешок», это будет уже настоящая катастрофа. Бебс Бингингтон, и только она, ответственна за снос целых кварталов очаровательных маленьких бунгалов, построенных в тридцатых годах, и возведение вместо них дешевых фальшивок – четырехэтажных имитаций швейцарских замков с безликими однокомнатными квартирами и дрянным бассейном во внутреннем дворике. Чем больше Мэгги об этом думала, тем сильнее злилась. Бебс не станет продавать «Гребешок» по-человечески. Она попросту выкинет его на торги и погубит, как и прочие дома. Ей невдомек, что такое историческая ценность и какие чувства испытывают к этому особняку жители Бирмингема. Она глянет на него своим холодным рыбьим глазом и отдаст первому, кто предложит на торгах наивысшую цену. На Мэгги накатила дурнота: она представила, как Бебс Бингингтон марширует по комнатам «Гребешка», словно Шерман по Атланте¹⁴. Бебс не питает нежных чувств ни к городу, ни к этим местам. Раньше среди агентов недвижимости существовало негласное правило: даже если тебе сулят отличные комиссионные, не продавать дома на горе тем, кто не станет заботиться о них и любить. Но что Бебс до этих правил. Ее интересуют только деньги. Кто знает, что ждет особняк? Может, его купит какой-нибудь скороспелый миллионер и устроит в гостиную баскетбольный корт. Или еще того хуже – дом продадут строи-

¹⁴ «Марш Шермана» – 1894 г., битва за Атланту. У. Шерман – один из командующих северян.

тельной фирме. Если снести «Гребешок», изменится весь вид Бирмингема, он станет похож на красивую женщину с дырой на месте переднего зуба. А то еще кошмарнее – на красавицу с блестящим золотым зубом, если возведут новострой. По вине Бебс в городе появились улицы, по которым Мэгги больше не может ездить без слез.

Ох, нет, снова вскипает в ней эта странная ярость. Щеки горят, лицо пунцовое, и сердце колотится. Что происходит? Она никогда в жизни не теряла спокойствия. А это уже второй раз за месяц. То ли поздний климакс, то ли некая изошренная форма водительского гнева – есть такое заболевание, – вернее, не водительского, а в ее случае риелторского. Что бы то ни было, лучше остыть. Не хватало получить удар прежде, чем она подберет все хвосты. Ведя машину, Мэгги старалась успокоить себя. Во-первых, может, это только слухи. Не стоит верить на слово дамам из «Св. Иоанна», в таком возрасте многие глуховаты и запросто могут напутать. И вообще это бессмысленно. Зачем миссис Далтон продавать дом? Далтоны были хозяевами «Гребешка», сколько она себя помнит, и в деньгах у них нужды нет, так что Фэрли Дженкинс наверняка ошиблась. И все же Мэгги не хотелось еще неделю держать это в уме. Но как выяснить? Нельзя же просто позвонить миссис Далтон и спросить напрямую, это слишком грубо и бестактно. Боже мой, столько домов вокруг, ну почему «Гребешок»? Надо было отменить парикмахера, тогда бы она не узнала. Даже если все правда и миссис Далтон продает-таки «Гребешок», что Мэгги может с этим поделать? Нет-нет, выкинуть из головы, сегодня и без того дел невпроворот. Господи, что ее еще ждет? В том-то и дело: она не хочет думать, что ее ждет дальше. Хватит сюрпризов.

Волшебный город

Не одна Мэгги прожила большую часть жизни, околдованная чарами из детства. У многих в глазах еще сияли звезды, что неудивительно, если ты вырос в месте под названием Волшебный город, со всеми его высокими стремлениями и иллюзорным величием. Все в городе кричало о величии – от труб чугунных, угольных и сталеплавильных заводов до великолепных особняков на Красной горе; даже тротуары под ногами величественно посверкивали серебряными прожилками. Город был живой и шумный, с целыми кварталами модных магазинов, где в витринах манекены в надменных позах демонстрировали новейшие наряды и меха из Нью-Йорка и Парижа, с рядами галерей, где интерьеры шикарными коврами, люстрами и мебелью так и манили – хотелось войти и поселиться в этой красоте навеки (по крайней мере, Мэгги хотелось). В воздухе всегда царил возбуждение. Человека охватывало ощущение, что Бирмингем, Самый Быстрорастущий Город Юга, вот-вот станет самым большим городом в мире. Даже улицы были чуть шире, чем требовалось, в любой момент готовые принять огромные транспортные потоки. Бирмингем с самого начала лопался от амбиций, он не желал быть вторым после Питтсбурга ни по сталелитейной части, ни по величине транспортной системы. Но даже возвышающаяся на вершине Красной горы чугунная статуя Вулкана, греческого бога огня и железа, была второй по величине чугунной статуей в стране, а во время войны, когда заголовки газет сообщили, что Германия и Япония назвали Бирмингем, штат Алабама, целью номер два, все в городе были разочарованы, они бы с удовольствием были первыми. Единственное утешение – у них был самый большой световой рекламный щит в мире, он приветствовал всех прибывающих по железной дороге гостей, тысячи золотых ламп сверкали, складываясь в слова ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД. Бирмингем был городом с бешеным пульсом: он работал, потел и боролся за то, чтобы стать номером один. Гигантские чугунные и сталеплавильные заводы грохотали и лязгали, изрыгали розовый пар и вздымали жирные дымы двадцать четыре часа в сутки, без выходных. Угольные шахты работали посменно днем и ночью. Переполненные трамваи и автобусы круглосуточно развозили людей с работы и на работу.

По вечерам родители возили детей на гору в Парк Вулкана, чтобы посмотреть на закат. Небо переливалось радужными разводами, зелеными, малиновыми, бирюзовыми, красными и оранжевыми, пестрые завитки тянулись до самого горизонта, куда хватало глаз. Люди считали, что Бирмингем специально устраивает ради них шоу. Им не приходило в голову, что чудесные закаты – результат выброса в воздух токсичных отходов. А еще им в голову не приходило, что однажды центр Бирмингема, с его пышными дворцами-кинотеатрами, ресторанами и универмагами с красивыми сверкающими латунными дверями и серебряными эскалаторами, будет закрыт. Нет, такого они точно не представляли.

День открытых дверей

Мэгги едва тащилась в густом потоке машин и через добрых полчаса остановилась подкупить мясной нарезки в гастрономе для гурманов «Братья Контри», а потом пять дюжин разных пирожных в «Пекарне дикаря». Все говорят, что «Красная гора» устраивает лучшие дни открытых дверей в городе. Даже в 80-х, когда рынок кипел и трудно было добыть агентов для показа всех выставляемых домов, Хейзел всегда умудрялась позвать огромную толпу и прибежала к разным уловкам. Например, печатала объявление: «Приходите познакомиться с Матильдой, самой старой курицей в мире» или «Вас ждет Генри, кот с четырнадцатью пальцами на лапах». Но сегодня они могли предложить только бесплатный ланч. Мэгги до сих пор было не по себе после услышанного в парикмахерской, но она сумела сосредоточиться на текущих делах. Надо бы намекнуть Бренде, хоть это и нелегкая задача. Пугать ее не хочется, но вместе с тем хорошо бы как-то подготовить, не раскрывая карт. Мэгги любила и Этель, но, наверное, из всех людей на свете ей больше всего будет не хватать Бренды.

Хейзел с самого начала определила Мэгги и Бренду работать в паре. У Мэгги был цепкий глаз, контакты и, конечно, обаяние, чтобы продавать дома, но бумажная работа была для нее мукой мученической. Лицензию агента недвижимости она получила только потому, что Хейзел входила в экзаменационную комиссию. Выпускные оценки у Мэгги были слабоваты, балл недотягивал до проходного, но Хейзел лишь скользнула взглядом по листку с отметками, оттолкнула в сторону и объявила: «Ладно, пойдет!» Бренда же, напротив, была мастером читать контракты, корпеть над цифрами, получать залоги и заключать сделки. Настоящее сокровище. Она одной из первых девушек Бирмингема поступила не на «Домоводство», а на «Экономику», да еще и починить могла что угодно. Вечно таскала в сумке молоток, гвозди, гаечный ключ, несколько разных отверток, рулетку, лампочки, удлинитель и большой фонарь. У Бренды было с собой все, что могло случайно понадобиться, включая всевозможные вкусняшки. Мэгги сказала, что парень, пытавшийся украсть у Бренды сумку на стоянке перед кафе-мороженым, все равно не смог бы ее поднять.

Если Бренда рядом, Мэгги спокойна. Да вот хотя бы в прошлом месяце: на день открытых дверей пришел гадкий с виду мужичонка, которому понравилась фотография Мэгги в объявлении, так Бренда взяла его за шкирку и вышвырнула. Не считая Хейзел, Бренда была самой толковой женщиной из всех знакомых Мэгги. Жаль бросать ее в трудный момент, но это все равно только вопрос времени. Кроме их конторы все прочие офисы агентства «Красная гора» позакрывались, да и его в любой момент могла купить более крупная компания. Например, компания Бебс Бингингтон, и Мэгги не желает быть тому свидетелем. Учитывая, какие чувства питает к ней Бебс, ее наверняка тут же уволят.

Разумеется, что говорить, надо было уходить сразу после смерти Хейзел, но тогда все члены Команды Хейзел поклялись, что останутся верными делу. А потом положение становилось все хуже и люди начали уходить. Теперь от прежней команды осталось только трое – Этель, Бренда и она сама. Мэгги узнала, что Бренда тоже скоро покинет торговлю недвижимостью, чтобы баллотироваться на пост мэра, но пока, слава богу, работает. Она единственная, кто все еще может ее рассмешить.

В прошлый День святого Патрика Бренда заявила на работу, зеленая с ног до головы: платье зеленое, зеленые туфли, зеленый парик. Встала перед Мэгги, вытянула руку и спросила:

– Какого я цвета, как думаешь?

Мэгги поглядела на руку.

– Ну не знаю. Коричневая?

– Да знаю я, что коричневая! Но какого оттенка?

Мэгги снова взглянула.

– Ну, может, красновато-коричневого?

Бренду ответ удовлетворил.

– Так я и знала! Красновато-коричневая! Мама у меня была карамельного цвета, отец темно-коричневый, а я, значит, красноватого, так?

– По-моему, да.

– Хочу сдать тест на ДНК. У меня проявились веснушки, кто бы мог подумать! Вдруг где-нибудь в моем штабеле генеалогических дров затесался ирландец!

Бренда умела посмеяться над собой. Впрочем, этим качеством в той или иной мере должен был обладать всякий, кто работал на Хейзел. У Бренды и Хейзел было в этом смысле много общего. За свою жизнь Бренда побывала Цветной, Негритянкой, Черной, а сейчас еще и Афроамериканкой, и на эту тему они беспрестанно перешучивались. Хейзел врывается в офис и спрашивала Бренду, как та себя чувствует, и Бренда отвечала: «Ну, вчера я чувствовала себя очень Черной, а сегодня – немного Цветной. А ты?» Хейзел, подумав, говорила: «Кажется, сегодня я чувствую себя скорее миниатюрного телосложения, чем сомнительного роста».

Бренда говорила новичкам, которых удивляли некоторые шутки Хейзел: «Может, ей не хватает политкорректности, зато она взяла на работу больше нацменьшинств, чем любая другая компания в городе».

Мэгги хотела намекнуть Бренде про «Гребешок», когда они будут расставлять тарелки, но та явилась в таком состоянии, что Мэгги не рискнула. Видимо, что-то стряслось с любимой сумкой Бренды – той самой, с двадцатью семью секретными отделениями, которую она заказала по каталогу «ТрэвелСмит», и, пока они раскладывали сыр и разносили вино, Бренда говорила об этом не умолкая.

– Я чуть не рыдала. Все внутри испорчено, пришлось просто выкинуть ее в мусор.

Мэгги не до конца разобралась в происшедшем и спросила, почему вообще в сумке оказалось полкило мороженого. Бренда скроила мину:

– Ой, лучше не спрашивай.

– Нет уж, рассказывай.

– Нет, не спрашивай.

– Ладно, не буду.

– Ладно, уговорила. – Бренда швырнула на тарелку гроздь винограда. – Это все Робби виновата!

– Робби? Почему?

– Потому что нарочно покупает летние сорта, чтобы меня подловить, вот почему! В общем, пришлось разыскивать такое же мороженое вместо того, что лежало в холодильнике, но, пока я бегала, Робби успела вернуться, и я положила его в сумку, и начисто забыла, и вспомнила только утром. Когда Робби встала, на полу красовалась громадная зеленая склизкая лужа.

Мэгги уже приходилось слышать нечто в этом роде, только в последний раз это был целый кокосовый торт, спрятанный в бельевом шкафу, и Бренда винила муравьев в том, что ее застучали.

– Ох, господи. И что сказала Робби?

– Ай, ты же знаешь Робби. «Видать, это мороженое само запрыгнуло из холодильника тебе в сумку, когда ты отвернулась, верно?» – вот что она сказала.

– А ты что?

– А что я могла ответить? Короче, Сесилу я не забыла позвонить. Так что у нас два билета на дервишей. Прости, что опоздала, пришлось все вынимать из сумки и перемывать. Чековой книжке кранты, но хватит обо мне. Ты-то что вчера вечером поделывала?

Мэгги собралась ответить, но вошел парень из агентства «Инграм», и работа закипела.

Слава богу, пришло много агентов, включая Бебс Бингингтон, та пробежалась по комнатам и, уходя, как всегда, не удержалась от едкого замечания: «Это, конечно, не Маунтэйн-Брук». К сожалению, она была права. С тех пор как рынок упал, Бренда и Мэгги были рады звонку владельцев даже средненьких домов в той части города, с которой прежде не стали бы связываться. Войдя в дом, они сразу поняли, что трудно будет представить его в выгодном свете. Домохозяйка («Зовите меня просто Вельма») коллекционировала так называемые «предметы искусства из сосновых шишек». Взгляд повсюду наткнулся на сотни шишек: шишки с пластмассовыми глазками, шишки в костюме Санта-Клауса, шишки в вечернем платье Скарлет О'Хары, шишки-младенцы в подгузниках или крошечных колыбельках... «У меня еще сотни таких в спальне и в гараже!» – с радостной улыбкой доложила хозяйка.

Боже ж ты мой. Ну как скажешь такой милой женщине, что потенциальный покупатель может вовсе не впасть в умиление от шишек и, в отличие от нее, не станет считать их членами своей семьи. Как вежливо объяснить, что шишки и прочие безделушки придется убрать? Любой коллекционер – это головная боль. Попытка разлучить человека с его сокровищами – восемью сотнями ложек из всех уголков мира или с набором глиняных курочек, поросят, кокер-спаниелей, кошек, слоников, коров, птиц, подставок под яйцо, чайников и прочей годной для коллекционирования ерунды – всегда мучительна. Однажды им попался клиент, у которого было сорок два игрушечных чихуахуа. Выставлять этот дом было кошмаром. Но, к счастью, Мэгги все же уговорила Вельму позволить ей на сегодня убрать часть шишек.

После показа Бренда сказала, что опаздывает на очередное политическое собрание. Мэгги сказала – беги, в офисе увидимся. Она сама все уберет и закроет дом, как-нибудь справится. Приятно было видеть Бренду в таком радостном возбуждении. Бренда любила политику. Представление же Мэгги о политике основывалось исключительно на художественных фильмах. Посмотрев «Доктор Живаго», она твердо решила, что коммунисткой не станет. Сцена, где бедный доктор Живаго (Омар Шариф) возвращается после войны в Санкт-Петербург и обнаруживает, что его прекрасный фамильный дом занят под склад, очень ее огорчила.

Перед уходом Мэгги пришлось расставлять шишки на прежние места. Потом она зашла в кухню забрать оставленные агентами визитные карточки и заметила, что Бебс положила аж две визитки – ярко-красная надпись «САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ РИЕЛТОР БИРМИНГЕМА» так и лезла в глаза.

По своему обыкновению, Бебс начисто проигнорировала сегодня Мэгги, а всем прочим столь же привычно нагрубила. Мэгги всегда было неуютно в ее присутствии. Трудно находиться рядом с человеком, который тебя ненавидит, особенно если не понимаешь за что. Запирая дом, Мэгги вдруг сообразила: следующий день открытых дверей только в среду. Больше не придется сталкиваться с Бебс Бингингтон, сегодня последний раз – это ли не повод для радости! И вообще, после пятницы она скажет «прощай» бесконечной Саге о Недвижимости, о чем ни капли не жалеет.

Торговля недвижимостью, кроме того, что была физически опасным занятием, еще и выматывала эмоционально. Неизвестно, чего можно ожидать от людей, продающих свое жилье. Некоторые не желали покидать дом и ходили за потенциальными покупателями из комнаты в комнату. И не было никакого руководства в помощь, никакого официального свода правил или этикета для риелторов. Ее поражало, какие жестокие вещи могут говорить люди о чужом доме.

Было около четырех, когда Мэгги поставила машину на стоянке позади конторы. Агентство «Красная гора» располагалось в очаровательном каменном здании в самом центре городка Маунтэйн-Брук. Когда Хейзел была жива, все двенадцать столов были оккупированы агентами, телефоны беспрестанно звонили и жизнь в конторе кипела. Теперь же здесь царила тишина, если, конечно, на Этель не нападало настроение поразглагольствовать на тему «В мое время».

Как уже говорилось, Этель была верна своим пристрастиям, но на самом деле ей просто не нравилось, куда катится мир. Сегодня она вещала на «Голливудской волне» (в который раз).

– В мое время кинозвезды одевались шикарно, а теперь они хотят быть как все: выходят на люди, напялив первое попавшееся под руку тряпье. Раньше они не высказывали в магазин в обрезанных по колено джинсах. В мое время звезды были веселы и беспечны. Теперь же они такие все солидные, куда там, так серьезно к себе относятся, разъезжают по всему миру, приятельствуют с диктаторами и поносят Америку. Но от денег, заработанных на этой земле, не отказываются, нет. Я так скажу – пусть держат рты закрытыми и играют свои роли.

Бренда засмеялась:

– Одновременно-то это будет довольно трудно.

– Да ладно, ты меня поняла. А на фильмы я больше не хожу, все они под копирку: представители власти поголовно коррумпированы, главный герой если не убийца, то вор, наркодилер или еще кто похуже. Если у меня появится настроение провести время среди преступников, я лучше схожу в тюрьму на них поглазеть, притом совершенно бесплатно. Почему не снимают кино о хороших людях? Когда я иду в кино, я хочу выйти оттуда в приподнятом настроении, чувствовать себя лучше, а не хуже. А в наши дни, коли фильм об убийцах, извращенцах или малолетних преступниках, коли демонстрирует он самые худшие стороны человеческой природы, так ему спешат сразу «Оскара» дать. Раньше я старалась не пропускать «оскаровские» фильмы, но в тот год, когда песню в стиле рэп «Трудно быть сутенером»¹⁵ предпочли Долли Партон¹⁶ в номинации «Лучшая песня», я перестала их смотреть. Черт, неудивительно, что западная цивилизация катится под уклон.

Мэгги промолчала, но мысленно согласилась. Если бы в кинотеатре «Алабама» каждую Пасху не повторяли «Звуки музыки», она бы вообще в кино почти не ходила. Было очевидно, что Мэгги потеряла связь с Голливудом. Или же Голливуд потерял связь с Мэгги, она точно не знала, но сильно подозревала, что дело именно в ней. Она безнадежно отстала от жизни. Столько лет прошло, а у нее до сих пор любимая актриса Дорис Дэй, и никто из ее знакомых не любит «музыку лифтов»¹⁷. Но это единственная песня, к которой Мэгги знала слова. И не только в музыке дело. За последние десять лет современные технологии внезапно совершили квантовый скачок и оставили Мэгги далеко позади. Она так и не освоила, как программировать новую плиту и пользоваться смартфоном. И даже не пыталась научиться щебетать в «Твиттере».

¹⁵ «Оскар» 2006 г. достался песне *It's Hard Out Here for a Pimp*. Музыка и стихи Джордан Хьюстона, Седрика Колмана и Пола Борегарда (фильм «Суэта и движение»).

¹⁶ Долли Партон (р. 1946) – американская кантри-певица и киноактриса, которая написала более 600 песен (более 50 альбомов) и двадцать пять раз поднималась на верхнюю позицию кантри-чартов журнала «Билборд».

¹⁷ «Музыка лифтов» – презрительное название для мягкого джаза, прежде очень популярного, особенно в качестве фоновой музыки.

Еще один неожиданный бонус

Добравшись домой после работы, Мэгги первым делом просмотрела почту. В основном мусор, среди которого и повторное напоминание о ежегодном вечере в честь Хэллоуина, «Страшилки в зоопарке». Когда Хейзел была жива, они не пропустили ни одной вечеринки. Хейзел пользовалась любым поводом напялить маскарадный костюм, но теперь Мэгги вообще никуда не ходит. Связь с большинством старых друзей она потеряла, причем нарочно. Проще было их не видеть. Они, вероятнее всего, так же разочарованы в ней, как и она в себе, и только по доброте душевной этого не говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.